

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1

Джулия Л. МИКЕНБЕРГ

Американки в Красной России

В погоне за советской мечтой

Гендерные исследования

Джулия Л. Микенберг

**Американки в Красной России.
В погоне за советской мечтой**

«НЛО»

2017

УДК [94(47+57)«192/193»]-055.2-054.6
ББК 63.3(2)61-362

Микенберг Д.

Американки в Красной России. В погоне за советской мечтой /
Д. Микенберг — «НЛО», 2017 — (Гендерные исследования)

ISBN 978-5-4448-2133-6

В начале XX века для американских экспатов точкой притяжения стал не только Париж с его литературными кафе, но и революционная Москва. В 1920–1930-е годы советским проектом были очарованы многие американские интеллектуалы, особое место среди которых занимали независимые, образованные и решительные женщины – суфражистки, педагоги, журналистки, художницы и реформаторы. Многие из них отправлялись в Москву в надежде на наступление новой эры, в которой они не просто будут независимы от мужчин, но и станут равноправными строителями нового общества. Они спасали голодающих детей, работали в сельских коммунах в Сибири, писали для московских или нью-йоркских газет, выступали на советских сценах. Джулия Л. Микенберг в своей книге рассказывает истории этих женщин, раскрывает сложные мотивы, стоящие за их действиями, и демонстрирует путь, который большинство из них проделало от романтической увлеченности до тяжелого разочарования советским экспериментом. Джулия Л. Микенберг – историк культуры, PhD, профессор Миннесотского университета.

УДК [94(47+57)«192/193»]-055.2-054.6

ББК 63.3(2)61-362

ISBN 978-5-4448-2133-6

© Микенберг Д., 2017

© НЛО, 2017

Содержание

Введение	6
Новые женщины, феминизм и революционная Россия	9
Зов революционной России	12
Революционный туризм, политические паломники и советские методы гостеприимства	16
Новые мужчины и новые женщины	20
Красные возвращаются	23
Новые женщины и «новая мораль»	24
Что значит быть новой женщиной	29
Страдание, насилие и утопическое сознание	31
Жестокий оптимизм	33
ЧАСТЬ I	35
ГЛАВА 1	38
Нежные революционерки	38
Бабушка и друзья русской свободы	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джулия Л. Микенберг

Американки в Красной России.

В погоне за советской мечтой

Введение

Весной 1932 года «американки в красной России» вдруг привлекли всеобщее внимание:

Москву заполнили американки, вооруженные губной помадой и зубной щеткой, пылающие неутолимой страстью ко всему странному и будоражащему. В красную столицу съехалось больше двухсот элегантных и умных молодых женщин: одни помогают строить социализм, другие ищут себе мужей среди холостых американских инженеров или романтических русских, всегда готовых отдать должное американской красоте. Стенографистки, медсестры, танцовщицы, художницы, учительницы, скульпторши и писательницы – все они серьезно решили влиться в новую жизнь, развивающуюся здесь очень быстро. Полин Эммет – высокая, крепкая девушка из Иллинойса – бежала от светской круговерти в советскую страну и выпускает там журнал для американских рабочих, а когда ее зовут на субботники, смело берется за кирку и лопату. Фэй Джиллис, бруклинская авиаторша, надеется летать на советских самолетах. Жень Марлинг, танцовщица-босоножка и чудачка-сыроедка из Лос-Анджелеса, приехала в Москву для создания международного театра. Эти бойкие, стройные девушки с живыми глазами расхаживают в ярких американских нарядах, которые очень выделяются в советской толпе, одетой в нечто бесформенное и унылое¹.

Это легкомысленное описание – выдержка из газетной статьи 1932 года. Написала ее Милли Беннет, разведенная журналистка из Сан-Франциско, одна из множества американок, которых в начале 1930-х годов потянуло в Советский Союз. К тому времени Беннет уже провела в СССР около двух лет в качестве сотрудницы *Moscow News* – первой в Советском Союзе англоязычной газеты, основанной в 1930 году журналисткой Анной Луизой Стронг. И Беннет, и женщины, которых она описывает здесь, принадлежали к ныне забытой группе энтузиасток.

О том, что в начале XX века многие американки стремились попасть в Москву, сегодня почти не помнят. «Потерянное поколение» американцев, хлынувших в 1920-х годах в Париж, обросло легендами, но мало кто знает о том, что уже вскоре тысячи американцев – в том числе бывшие парижские экспаты – ринулись в «красный Иерусалим»². Еще меньше людей знает об особой притягательности «красной России» для «американских девушек» – точнее говоря, для независимых, образованных и отважных «новых женщин». Страна, которая хотя бы на словах ставила во главу угла не извлечение личной выгоды, а общественное благо, уже внушала огромную надежду многим американцам (и вообще жителям Запада) – из тех, кто задумывался о пагубности социума, основа которого – промышленный капитализм³. И хотя многие амери-

---

¹ Bennett M. American Girls in Red Russia // Every Week. 1932. May 28–29. P. 4.

² Выражение «красный Иерусалим» взято из статьи Рут Кеннелл и Милли Беннет «Все они едут в Москву»: They All Come to Moscow // American Mercury. 1931. Dec. P. 394.

³ Примерно то же самое наблюдалось и в Британии, особенно если говорить о популярности России среди феминисток; главной фигурой здесь являлась Сильвия Панкхерст. См. например, Connelly K. Sylvia Pankhurst: Suffragette, Socialist and Scourge of Empire. London, 2013. См. также Fauré C. The Utopia of the New Woman in the Work of Alexandra Kollontai and Its

канцы отнеслись к известию о большевистской революции с настороженностью и даже страхом, некоторые активисты, идеалисты и влиятельные культурные деятели, в том числе феминистки, восприняли эту новость совершенно иначе.

Даже спустя десятилетия после окончания холодной войны было по-прежнему трудно примириться со вспыхнувшим в 1920–1930-е годы почти повсеместным интересом к Советскому Союзу среди реформаторов, интеллектуалов и представителей художественного авангарда. Мы успели позабыть и о дерзновенном духе новой женщины, и о тогдашнем широчайшем интересе к «советскому эксперименту».

Помимо полчищ безымянных «американских девушек», давно преданных забвению, революционная Россия притягивала к себе многих выдающихся американок, среди которых были пламенные ораторы и защитницы идеи свободной любви – например, Эмма Гольдман, вдохновлявшаяся, по ее собственным словам, примерами отважных русских женщин, готовых жертвовать жизнью ради борьбы с царской тиранией и отвергавших привычную мораль – «отказывавшихся от брака и живших в полной свободе». Россия привлекала прогрессивных реформаторов и организаторов благотворительных учреждений. Среди них Лиллиан Уолд, чей дом помощи на Генри-стрит – заведение в шумном нью-йоркском Нижнем Ист-Сайде – в годы перед Октябрьским переворотом стал пристанищем для множества русских изгнанников и сторонников революции. Россия притягивала суфражисток вроде Элис Стоун Блэкуэлл и Кристал Истман, которые с оглядкой на русские примеры разрабатывали новые революционные подходы к женским гражданским правам и обязанностям. Она манила танцовщиц: Айседору Дункан, которая приехала в Советскую Россию в 1921 году, на закате своей карьеры, и пробыла там достаточно долго – так что успела основать собственную школу танца и выйти замуж за знаменитого русского поэта-пьяницу. А еще – Полин Конер, посетившую Россию пятнадцатью годами позже, чтобы «довершить то, что начала Дункан». В 1934 году в Москву приехала афроамериканская актриса Фрэнсис Э. Уильямс, искавшая работу, приключения и возможность узнать на своем опыте, как живет в стране, будто бы искоренившей расизм. А фотограф Маргарет Бурк-Уайт приехала в Россию в 1930 году (и возвращалась потом снова и снова), объясняя это тем, что «в России что-то происходит, и происходит с ошеломительной быстротой... Усилия 150 миллионов людей – нечто невероятное, подобного чему не знала история»⁴. Эти и многие другие женщины ехали в «новую Россию» или посвящали ей годы жизни, оставаясь далеко. Еще до большевистской революции женщины в Соединенных Штатах присматривались к России в поисках образцов для подражания.

Начиная с конца XIX века новая женщина – с высокой прической, решительными манерами, нацеленностью на оплачиваемую или творческую работу, общественные реформы или стремлением добиться, например, свободы слова или свободной любви – стала узнаваемым явлением и в реальности, и в искусстве, и в рекламе. Этот типаж олицетворял перспективы и опасности современного мира. Вплоть до окончания Второй мировой войны Россия и Советский Союз вдохновляли «новых американок» на перемены в самих себе, обществе и на достижение возможностей, которым предстояло открыться в будущем. В свой черед, такие женщины играли значительную роль в формировании образа России в глазах своих соотечественниц.

Эта глава в истории американских женщин проливает свет на темы, важные для западной феминистской мысли, для представлений о гражданских правах и обязанностях, о материнстве, любви, работе, творчестве, воспитании детей, сексе и дружбе, а также о классовой системе, справедливости и идеальном обществе. Американкам, которых влекло в Россию, хотелось стать свидетельницами или даже участницами самых захватывающих событий на мировой

Impact on the French Feminist and Communist Press // *Women in Culture and Politics: A Century of Change* / Ed. J. Friedlander, B. W. Cook, A. Kessler-Harris, and C. Smith-Rosenberg. Bloomington, 2006. P. 376–389.

⁴ Bourke-White M. *Eyes on Russia*. New York, 1931. P. 23; Дневник Полин Конер, 1–31 мая 1935 года, коробка 1, папка 14, архив Полин Конер, Нью-йоркская публичная библиотека (NYPL), отдел зрелищных искусств.

сцене. А еще они надеялись на то, что наступит новая эпоха возможностей: женщины обретут не просто политические права и экономическую независимость, но и равенство в любовных союзах, будут наравне с мужчинами строить новый мир и бесклассовое общество, где культура, образование и общественное благополучие будут цениться выше, чем барыши и нажива⁵.

История взаимоотношений нового поколения американок и новой России оказалась в равной мере и забыта, и намеренно вытеснена из сознания. После того как ужасы сталинской эпохи стало невозможно отрицать, и саму романтику революционной России, и утопические фантазии, оживлявшие эту романтику, объявили наивными, неразумными, досадными и даже опасными. Американский журналист Юджин Лайонс в книге «Командировка в утопию» описывал глупеньких иностранок, становившихся легкой мишенью советской пропаганды:

Школьные учительницы-девственницы и сексуально озабоченные жены сближались с народными массами, особенно с их мужской частью, и некоторые так впечатлялись потенцией большевистских идей, что снова и снова продлевали визы. Кое-кто из них писал потом визгливые книжки о Советском Союзе – о его «новой раскованности», о равенстве полов, об абортариях⁶.

Для Лайонса описания западных женщин, которых он наблюдал в Москве, служили прежде всего средством огульно осудить всех тех, кого пленяла романтика «красной России».

В пору холодной войны и даже до ее начала свидетельства раскаявшихся коммунистов ложились длинной тенью на «романтику американского коммунизма» (если воспользоваться выражением Вивиян Горник), особенно если эта романтика была тесно связана с Советским Союзом. Уже в конце 1940-х годов большинство американцев видели в Советском Союзе «империю зла», а те, кто когда-то раньше восторженно высказывались о советском эксперименте, или брали свои слова обратно, или просто помалкивали⁷. По логике начавшейся вскоре холодной войны, подобные восторги только вредили феминисткам, реформаторам, журналистам и различным творческим работникам, которые хотели бы оставаться примерами для подражания. Однако этот нарратив разочарованности лишь мешает нам разобраться в феномене самой очарованности: понять истинную глубину тех интересов, надежд и увлечений, которые многие люди связывали с Советским Союзом, даже в ту пору, когда к их чувствам примешалось осознание разрыва между их идеалами и советской действительностью.

Хотя мы могли бы восхищаться идеализмом главных героинь этой книги, нам не следует забывать об их заблуждениях и об ужасных сторонах советской системы – тех, что некоторые из них так и не признали, или же признали лишь с запозданием. Хотя история любви американок к России вряд ли может послужить полезным опытом для феминистов или для левых в целом, все-таки, как из всякой хорошей истории любви, из нее можно извлечь кое-какие уроки, тем более что крушение надежд и избавление от чар способны научить большему, чем просто романтика. Познакомившись с устремлениями и слабостями идеалистов из более раннего поколения, мы сможем лучше понять многое из того, что и сегодня продолжает волновать женщин.

---

⁵ См. *Feuer L. S.* American Travelers to the Soviet Union, 1917–32: The Formation of a Component of New Deal Ideology // *American Quarterly*. 1962. 24. P. 119–149.

⁶ *Lyons E.* Assignment in Utopia. New York, 1937. P. 329–330.

⁷ Так за «либеральным нарративом» (по выражению Томаса Шауба) юношеского идеализма в межвоенные годы последовал «реализм» послевоенной поры. *Schaub T. H.* American Fiction in the Cold War. Madison, 1991. О нескольких известных примерах см. *Bentley E.* Out of Bondage: The Story of Elizabeth Bentley. New York, 1951; *Chambers W.* Witness. New York, 1952; *Massing H.* This Deception. New York, 1951; *Counts G. S., Lodge N. P.* The Country of the Blind: The Soviet System of Mind Control. Boston, 1949. «Империей зла» называл СССР Рональд Рейган в 1980-е годы, но сам этот взгляд появился раньше. См. также *Gornick V.* The Romance of American Communism. New York, 1977.

Новые женщины, феминизм и революционная Россия

Расхожий образ революционера-бомбиста и ряд революций, случившихся в России, сильно напугали многих людей в США, поскольку олицетворяли угрозу для всякой правительственной власти. С другой стороны, вести о провале революции 1905 года, о крахе самодержавия в марте 1917 года, а затем и перехвате власти у Временного правительства большевиками в октябре 1917 года взбудоражили других американцев – тех, в чьих глазах «темнейшая Россия» символизировала и худшие злоупотребления государственной властью, и терпимость к различным грехам и изъясам – от избияния жен до нещадной эксплуатации трудящихся масс разложившимся паразитическим классом⁸.

Русская революция особенно взволновала американок, симпатизировавших феминизму. Среди них были как те, кто относил себя к феминисткам, так и те, кто отказывался ставить гендерные проблемы выше экономических. Задолго до прихода к власти большевиков в 1917 году фигура русской революционерки сделалась в США чем-то почти легендарным. События в России приковывали к себе внимание американских активисток во всех областях: и тех, кто старался расширить гражданские и имущественные права женщин; и тех, кто пытался улучшить общественное обеспечение, санитарные условия, заботу о детях и сферу воспитания и образования; а также тех, кто видел в психологической, сексуальной и экономической эмансипации женщин лишь один компонент «полной социальной революции» – если воспользоваться словами одной из сторонниц феминизма начала XX века. Цели этой революции не сводились к наделению женщин избирательным правом или всеобщему равенству перед законом. К этим целям относились и более широкие возможности профессиональной карьеры для женщин, и освобождение от ожиданий общества, и отмена двойных стандартов в отношениях между полами, и возможность для женщин одновременно растить детей и работать. По словам активистки-суфражистки Керри Чапмен Кэтт, речь шла о «всемирном восстании против всех искусственных препятствий, которые поставлены законами и обычаями между женщинами и человеческой свободой»⁹.

В самом деле, можно утверждать, что феминистские устремления в США во многом восходили к идеям более раннего поколения русских радикалов (а среди них особое место занимали еврейки), которые завезли в США социализм и обрели политическую сознательность, читая «Что делать?» (1863) Николая Чернышевского, где главным условием появления «новых людей» выступало раскрепощение женщин. Если для консерваторов русская революция стала главным пугалом, то в других – и в том числе во многих феминисток – она вселяла огромную надежду. Как заметила Кристина Стэнселл, говоря о радикальной богемной среде в нью-йоркском Гринвич-Виллидже, «события в России обрели злободневность, почти невыносимую сегодня», и вызвали, в самом глубоком смысле, «коллективное ощущение открывшихся возможностей»¹⁰. Особенно это касалось женщин.

Право участвовать в выборах, которое русские женщины получили вскоре после Февральской революции, сохранилось за ними и после Октябрьской. Но это было только начало. Большевики предлагали новые шаги к раскрепощению женщин, в том числе планы «социализации домашнего хозяйства». Имелись в виду общественные прачечные, кухни и детские ясли,

---

⁸ Понятие «темнейшая Россия», возможно, пошло от пьесы с таким названием, опубликованной в 1890 году и изобличавшей травлю евреев в России; само выражение так и осталось в речевом обиходе. См. *Donnelly H. G. Darkest Russia (A Play in 4 Acts)*. New York, 1891.

⁹ Уиннифред Харпер Кули и Керри Чапмен Кэтт цитируются в: *Cott N. The Grounding of Modern Feminism*. New Haven, 1987. P. 15, 14.

¹⁰ *Stansell Ch. American Moderns: Bohemian New York and the Creation of a New Century*. New York, 2000. P. 43, 227, 321. О пришлому характере социализма см. *Michels T. A Fire in Their Hearts: Yiddish Socialists in New York*. Cambridge, 2005.

которые позволили бы женщинам стать полноправными участниками рынка труда. В отличие от буржуазного общества, где женщинам приходилось «выполнять обязанности домашней прислуги и обслуживать сексуальные потребности мужчин в обмен на финансовое обеспечение», при коммунизме, как предрекалось, самостоятельно зарабатывающие на жизнь женщины будут смотреть на мужчин как на равных, и потому «семья как таковая отомрет, и женщина сможет вступать в союз с мужчиной только по любви». Женщины обретали имущественные права, официально устранялись все препятствия, мешавшие им получать образование и строить карьеру, а власти обещали оплату труда наравне с мужчинами. Дело не ограничилось созданием общественных прачечных, столовых и яслей, освобождавших женщин «от старого домашнего рабства и всякой зависимости от мужа» (как выразился Ленин). К 1918 году был выработан новый Семейный кодекс, облегчавший развод, отменявший понятие незаконно-рожденных детей и предоставлявший работающей женщине оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком (до и после родов) – независимо от того, состоит она в законном браке или нет. По словам историка Уэнди Голдман, «утвердив личные права женщины и гендерное равенство, этот кодекс породил не что иное, как самое прогрессивное семейное законодательство в мире за всю его историю»¹¹.

Решением женских вопросов занялся возглавленный большевичками-феминистками Александрой Коллонтай и Инессой Арманд Женотдел – особый отдел при комитетах коммунистической партии, созданный в 1919 году для агитации, пропаганды и организационной работы среди женщин. Уже само учреждение этого отдела говорило о том, что в данной области предстояла огромная работа. На самом деле, большевики неохотно включали в свою программу освобождение женщин: они отвергали феминизм как движение, отвлекавшее от главного – решения классовых вопросов. Целью многих из принятых ими новых законов было не собственно раскрепощение женщин, а «сглаживание гендерных различий». И все же сам Ленин с гордостью заявлял в 1919 году, что, «кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где бы было полное равноправие женщин»¹². В пореволюционные годы феминистские журналы, выходившие в Соединенных Штатах, не только указывали на то, что русские женщины получили избирательное право раньше, чем американки. Издания активно подхватывали советские инициативы, призывая к учреждению общественных столовых, прачечных и детских яслей. Авторы статей обращали внимание на то, что советское брачное право нацелено на установление равноправия в браке и заключение супружеских союзов, основанных не на экономической выгоде, а на взаимной приязни. Они указывали на легализацию аборт; отмечали введение полового воспитания; подчеркивали роль женщин в советском правительстве, в рядах различных специалистов, в сфере промышленности, и превозносили «обширное и ничем не затрудняемое продвижение общественных реформ», осуществляемых в основном женщинами¹³. Поэтому не удивительно, что американкам из числа новых женщин не терпелось увидеть новую Россию собственными глазами.

¹¹ Engel B. A. Women in Russia, 1700–2000. New York, 2004. P. 142. Слова Ленина взяты из беседы 1920 года с Кларой Цеткин; см.: sfr-21.org/zetkin.html (дата обращения: 06.04.2011). Goldman W. Z. Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy & Social Life, 1917–1936. Cambridge, 1995. P. 51. О Декрете ВЦИК о заработной плате рабочих и служащих см.: Wood E. A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997. P. 50. Декрет был издан, возможно, уже в начале декабря 1917-го, а в 1920 году он точно действовал (Френкель Е. П. Половые преступления. Одесса, 1927. С. 12).

¹² Ленин В. И. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции // Полное собрание сочинений. М., 1974. Т. 39. С. 198.

¹³ Engel B. A. Women in Russia. P. 142–147; Wood E. A. The Baba and the Comrade. P. 30–36, 51; Николай Ленин, речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц (сентябрь 1919 года). Среди феминистских журналов, освещавших события в Советской России: Hayes E. Woman, Bolshevism, and Home // Woman Citizen. 1919. № 47. P. 1002; Rockman J. The Alleged «Nationalization» of Women // International Woman Suffrage News. 1919. № 8. P. 110–111; As We Unfortunately Get No Direct News from the Women of Russia // International Woman Suffrage News. 1924. № 2. P. 19; Black R. A. Women in Russia // Equal Rights. 1925. № 50. P. 395; Russia Becoming Feminist // Equal Rights. 1925. № 50. P. 394; An Envious Record // Equal Rights. 1925. May 2. P. 92; Murray E. R. Women under the Soviet // Weekly News. New York League of Women

Зов революционной России

После 1917 года американки, преисполнившись больших ожиданий, устремились в новую Россию. Мадлен Доути, изучавшая воздействие мировой войны на женщин, совершила изнурительное двухнедельное путешествие на поезде через Сибирь из Китая. В поезде «пол был усыпан окурками и пеплом. Смрад в вагоне становился все гуще и тяжелее, но окна никто не открывал». К счастью, поезд часто делал остановки. У большинства пассажиров были с собой чайники, и на станциях они бегали к огромным самоварам за кипятком. «После этого из каждого купе доносились аромат чая, дым папирос и обрывки разговоров». Эта поездка уже дала Доути некоторое представление о стране, куда она попала. На какой-то станции в поезд села сибирячка, «требовавшая, чтобы в ее город прислали одежду – в обмен на продовольствие, которое оттуда отправлялось в Петроград». «Она так и сыпала рассказами о своей деревне. В ближайшем городе побывали два дезертира и изнасиловали девушку. Тамошние женщины рассвирепели, побили этих двоих и выгнали их». Это было лишь очередное свидетельство, говорившее о том, в «какой грубый, первобытный мир, полный горячих страстей, [она] направлялась». Петроград, когда туда приехала Доути, испытывал «родовые муки [большевистской] революции». Несмотря на страх и тревогу, охватившие американку, первые впечатления вселили в нее надежду:

Повсюду я видела движение и действие, но насилия не было. Люди то и дело затевали споры. Повышали голос, сильно размахивали руками. Это был очень живой и очень смелый народ. У каждого было свое мнение... У меня колотилось сердце... Несмотря на угнетение, люди совсем не казались холопами. Они были живыми и свободными. Все русские, которых я встречала, могли говорить. Даже те, кто не умел читать и писать, могли говорить¹⁴.

В совсем иных обстоятельствах, но со сходными большими ожиданиями и волнением спустя более чем десятилетие в Москву отправилась Дороти Уэст, а с нею вместе – еще двадцать один чернокожий, все специалисты в разных областях. Многие из них были представителями Гарлемского ренессанса¹⁵, и в Советский Союз они ехали сниматься в фильме о междоусобице в США, а за кадром – играть самих себя, чернокожих мужчин и женщин, в совершенно новой жизненной среде. Организатор группы, Луиза Томпсон, называла страну, куда они все отправлялись, «землей обетованной»¹⁶.

Хотя почти каждый приезжий упоминал о лишениях и тяготах, выпавших на долю русского народа, многие отмечали, что даже эта необходимость преодолевать препятствия – повод для оптимизма и надежд. Так, под конец полугодового турне по Советскому Союзу в 1935 году бывшая активистка суфражистского движения Флоренс Ласкомб завершала свой путевой дневник размышлением об увиденных контрастах – о масштабной нищете и не менее масштабных перспективах:

Я увидела людей в лохмотьях, ветхие дома, разбитые улицы. Я увидела жуткую толчею в городах, разросшихся в одночасье от появления заводов

---

¹⁴ Doty M. Z. Behind the Battle Line, around the World in 1918. New York, 1918. P. 34, 36, 40–41.

¹⁵ Гарлемский ренессанс (англ. Harlem Renaissance), или Новое негритянское движение (англ. New Negro Movement), – культурное движение, возглавляемое ведущими афроамериканскими писателями и художниками, яркий период в истории афроамериканской культуры в 1920–1930-е годы. Развитие Гарлемского ренессанса привело к признанию большого влияния афроамериканской культуры на культуру США. Америка впервые попыталась избавиться от стереотипных представлений о чернокожих. Возник новый образ афроамериканца: образованного, высококультурного и равноправного члена общества. Это культурное движение избрало своим центром нью-йоркский район Гарлем. – *Примеч. ред.*

¹⁶ Томпсон – матери, 4 июля 1932 года, коробка 1, папка 1, архив Луизы Томпсон-Паттерсон, Университет Эмори.

и фабрик. Я увидела работающий народ, кое-как перебивающийся с хлеба на воду.

И все же главным оказалось другое впечатление. Флоренс считала, что Запад мог бы очень многому поучиться у Советского Союза:

Я увидела верные признаки того, что все эти материальные трудности будут преодолены. Я увидела настоящие чудеса – большие успехи не только в инженерном деле и производстве, не только в области образования, здравоохранения и культурной жизни, но и в неосознанной сфере духа.

Когда поезд, увозивший Ласкомб из СССР, приближался к польской границе, она «оглянулась в последний раз, чтобы запомнить эти широкие возделанные плодородные поля, простирившиеся вдаль, насколько хватало глаз. Над Россией от горизонта до горизонта переливалась радуга!»¹⁷

Между визитами Доути и Ласкомб положение в России коренным образом изменилось, да и в США тоже. Сразу же после большевистской революции условия жизни в России определялись не только революцией и Первой мировой – из которой, к смятению союзников, большевики вышли почти сразу же, – но и Гражданской войной и голодом. В период военного коммунизма (1918–1921) банки и промышленные предприятия были национализированы, частная торговля почти полностью запрещена, а зерно в деревнях по всей стране изымалось для прокорма солдат в городах. Это были очень тяжелые годы, на которые пришлось и блокада со стороны Антанты в ответ на заключенный большевиками сепаратный мир с Германией, – к тому же союзники оказывали поддержку Белой армии. Летом 1921 года на обширных территориях страны разразился голод. А несколькими месяцами ранее советское правительство начало ограничивать иммиграцию, и иностранцам стало не так-то просто получить разрешение на въезд в Россию. Несколько американок, и в их числе сторонница рабочего движения и журналистка Анна Луиза Стронг, примкнули к группе, помогавшей бороться с голодом в России, – не столько из гуманитарных соображений, сколько для того, чтобы стать свидетельницами и участницами тех революционных преобразований, которые могли бы в будущем совершить юные русские, если спасти их от голодной смерти. Другие американки приезжали в ту пору в Россию, присоединяясь к общинам, организованным Обществом технической помощи Советской России (ОТПСР)¹⁸. Рут Эпперсон Кеннелл, уставшая в браке от хлопот по хозяйству, оставила маленького сына на попечение свекрови и уехала в коммуну в Кузнецком угольном бассейне в Сибири. Двухлетний эксперимент Кеннелл – с коммунальным ведением домашнего хозяйства, коллективными обязанностями и совершенно особым моральным кодексом – наложил отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь.

Период действия новой экономической политики (нэп) продлился с 1922 по 1927 год. Помимо того что были смягчены драконовские меры, характерные для военного коммунизма, в стране сложился более благоприятный культурный климат. Возникла утопическая атмосфера, ставились самые разнообразные художественные эксперименты, и для поездки в Россию это было самое интересное время. Из-за улучшившихся экономических условий большевики как раз начали поощрять туризм, хотя приезжать в Советский Союз отваживались еще немногие. Иностранцы замечали не только самопожертвование, с каким советские люди переносили тяготы во имя светлого будущего, но и смелые воспитательные методы, и поразительный расцвет театров – с кинетическим искусством и новаторскими постановками. Они отме-

---

¹⁷ *Luscomb F. Russia diary*. P. 61–62, коробка 12, папка 291, архив Флоренс Ласкомб, МС 394, Библиотека Шлезингера, Гарвардский университет.

¹⁸ *Benjamin S. Shedding the White and Blue: American Migration and Soviet Dreams in the Era of the New Economic Policy* // *Ab Imperio*. 2013. № 1. Esp. 70–71. См. также *Bernstein S., Cherny R. Searching for the Soviet Dream: Prosperity and Disillusionment on the Soviet Seattle Agricultural Commune, 1922–1927* // *Agricultural History*. 2014. Vol. 88. № 1. P. 22–44.

чали страсть русских к учению, их «жадную тягу к новым идеям и формам», их заразительную надежду на лучшее будущее. И многие обращали внимание на новую советскую женщину, которая активно проявляла себя в общественной жизни и – благодаря «новым привилегиям и новым обязанностям» – демонстрировала «новый дух»¹⁹.

Первый пятилетний план (1928–1932) – массированный рывок к индустриализации страны – создал дефицит рабочей силы, и большевики начали активно вербовать иностранных рабочих. На Западе почти тогда же началась Великая депрессия, и уже сам факт полной занятости в Советском Союзе привлек тысячи промышленных рабочих из США в Россию. Инженеры и простые работяги приезжали строить мосты, плотины и дома; из Детройта прибыл многочисленный контингент рабочих автопрома²⁰. Разрешения на работу в СССР оформлялись обычно через Амторг – советское торговое представительство в США, хотя многие приезжали и по туристическим визам в надежде найти работу уже на месте. В 1932 году в Советский Союз еженедельно приезжало уже около тысячи иностранцев, среди которых большинство составляли американцы. На пике индустриального развития СССР количество иностранных рабочих и членов их семей, живших в Советском Союзе, достигло приблизительно тридцати пяти тысяч. Значительную долю этой категории составляли американцы^{21, 22}. Мужчин среди них насчитывалось больше, чем женщин, однако «американки в красной России» все-таки были заметной группой, и эти женщины вглядывались в своих русских сестер с живейшим интересом.

В годы первой пятилетки, когда в разных отраслях промышленности возникли тысячи новых рабочих мест, простые женщины становились иногда «героинями труда»: в брошюре, выпущенной в 1930 году коммунистической партией США, прославляли «стахановку» Дусю Виноградову, называя ее «мисс СССР», хотя она по всем параметрам отличалась от «мисс Америки» любой эпохи. В ту пору большевики расширяли меры, призванные наказывать за дискриминацию женщин на рабочем месте, а также увеличивали государственное финансирование заботы о детях. В 1929 году Женотдел развернул кампанию за «культурное переустройство быта», которая, по сути, «задавала общественную повестку для государственной политики в отношении женщин в 1930-е годы». Чтобы женщинам было легче выйти на работу, семьи всячески побуждали вступать в «жилищные коммуны и артели», где воспитание детей и ведение домашнего хозяйства были коллективным делом. Возникал неписанный общественный договор, в рамках которого женщины-работницы постепенно начинали считать нормой готовность

¹⁹ О нэпе см.: *Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York, 1989; *Fitzpatrick S. Rabinowitch A., Stites R. Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*. Bloomington, 1991. Отзывы путешественников см.: *Strong A. L. The First Time in History: Two Years of Russia's New Life (August, 1921 to December, 1923)*. New York, 1924. P. 210; *Fischer M. My Lives in Russia*. New York, 1944. P. 12, 13, 15; *Mally L. Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia*. Berkeley, 1990; *Marx M. The New Russian Women* // *Nation*. 1923. № 117. P. 508–510. Цитаты – из Фишера и Маркса.

²⁰ Например, Роберту Робинсону, который на заводе Форда в Детройте зарабатывал 140 долларов в месяц, предложили зарплату на уровне 250 долларов в месяц, оплату проезда до России, тридцать дней оплачиваемого отпуска, горничную и бесплатное жилье в Советском Союзе (*Tzouliadis T. The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia*. New York, 2008. P. 39).

²¹ *Корищенко Н. Л.* Развитие интернациональных связей советского рабочего класса в годы первой пятилетки // *История СССР*. 1979. № 6. С. 170; *Tzouliadis T. The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia*. New York, 2008. P. 35–37; *Roman M. L. Racism in a 'Raceless' Society: The Soviet Press and Representations of American Racial Violence at Stalingrad in 1930* // *International Labor and Working-Class History*. 2007. № 71. P. 1993; *Журавлев С.* «Маленькие люди» и «большая история»: Иностранцы московского электростроительного завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М., 2000. С. 29–31.

²² Судя по отчетным документам «Интуриста» – советского бюро путешествий, учрежденного в 1929 году для сотрудничества с иностранными туристическими агентствами, – количество иностранцев, приезжавших в Советский Союз, неуклонно возрастало вплоть до середины 1930-х годов. Из почти 25 тысяч туристов, посетивших СССР в 1936 году, 29,1 % составляли американцы (британцы оказались на втором месте, составив 13,5 %). После 1936 года количество туристов довольно резко снизилось, так как на смену советским стараниям культивировать связи с зарубежными союзниками пришел подавляющий страх перед иностранцами. *Duranty W. Immigration Now an Issue in Soviet* // *New York Times*. 1932. Mar. 14. P. 8. О данных «Интуриста» см.: ГАРФ. Ф. 9612. Оп. 2. Д. 146.

государства предоставлять социальное обслуживание, чтобы облегчить им бремя домашних хлопот²³.

---

²³ *Engel B. A. Women in Russia. P. 166; Friedrich G. Miss U. S. S. R.: The Story of a Girl Stakhanovite. New York, 1930; Chatterjee Ch. Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939. Pittsburgh, 2002. P. 106.*

Революционный туризм, политические паломники и советские методы гостеприимства

Хотя «советские люди рассчитывали... изменить не только взгляды, но и мировоззрение иностранных посетителей», сами иностранцы, приезжая в СССР, руководствовались собственными мотивами. Это можно ясно понять на нескольких примерах из ВОКС – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, учрежденного в 1925 году для организации визитов зарубежных художников, просветителей, ученых, кинорежиссеров, спортсменов и других видных деятелей, а также лиц, связанных с советскими «обществами дружбы»²⁴.

В 1926 году Люси У. Уилсон, директриса средней школы для девочек из Южной Филадельфии, попросила о возможности посетить в СССР школы и другие образовательные учреждения, встретиться с преподавателями и ознакомиться с какими-нибудь полезными материалами, которые могли бы помочь ей в написании работы о советской системе образования. Американская танцовщица и танцевальный критик Эдна Окко хотела, чтобы ей помогли достать билеты на танцевальные представления. Барбара Суит, студентка Стэнфордского университета, встретила в начале своей двухмесячной поездки с представителем ВОКС и сообщила о желании побольше узнать о коренных народах в Советском Союзе. Двадцатидевятилетняя психолог из Филадельфии спрашивала, сможет ли она посещать больницы и госпитали, и упоминала о своем желании собирать сведения, которые опровергали бы «ложь о советских учреждениях, распространяемую в американских газетах». Ф. Блэкуэлл, афроамериканка, работавшая библиотекарем в Нью-Йорке, заявила о готовности выполнять похожую работу в Советском Союзе²⁵.

Что объединяло всех туристов, американцев, приезжавших с официальными визитами, и иностранцев, подолгу живших в Советском Союзе, – это интерес к советским попыткам изменить саму суть работы. По идее, у советских рабочих, осознанно трудившихся в дружном коллективе, не происходило того отчуждения труда, которое характерно для капиталистического общества с его наймом рабочей силы. Для новой женщины, считавшей главным в своей жизни работу (а не роль жены или подруги), поездка в Советский Союз, как правило, сопровождалась еще и решением каких-то профессиональных задач. Модельер одежды Элизабет Хоуз, не желая оставаться «просто туристкой» во время поездки в СССР в 1935 году, заранее встретила с представителем советского консульства в Нью-Йорке, чтобы договориться о возможности показать образцы своей работы советской швейной фабрике. Корнелия Кэннон, которой посчастливилось съездить в Россию благодаря тому, что ее муж, выдающийся ученый, получил приглашение выступить с докладом в Ленинграде, придумала себе дело: изучить советскую систему контроля над рождаемостью. Кэтрин Бауэр, представительница «нового курса», градостроительница и одна из главных в Америке специалисток по строительству доступного жилья, явно считала чуть ли не своим долгом попутно изучить жилищные условия и состояние градостроительного дела в СССР²⁶.

---

²⁴ *David-Fox M. I. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union. New York, 2011. P. 16.*

²⁵ Отчетные документы ВОКС: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 39. Л. 146 (1927); Ф. 5283. Оп. 3. Д. 1003. Л. 14, 30, (1937); Ф. 5283. Оп. 3. Д. 1001. Л. 11 (1937).

²⁶ *MacCannell D. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkeley, 1999. P. 7; Hawes E. Fashion Is Spinach. New York: Random House, 1938. P. 292; Diedrich M. Cornelia James Cannon and the Future American Race. Amherst: University of Massachusetts Press, 2011. P. 219–220; Storrs L. R. Y. The Second Red Scare and the Unmaking of the New Deal Left. Princeton, 2013. P. 38–40; Oberlander P. H. Newbrun E., Meyerson M. Houser: The Life and Work of Catherine Bauer. Vancouver, 1999. P. 146–147.*

Даже в сознании женщин, не имевших профессии, посещение Советского Союза часто связывалось с мыслью о том, что работа любой женщины – «по-матерински заботиться о мире», то есть постоянно задаваться вопросами: как сделать мир человечнее? Как улучшить систему социального обеспечения? Эта мысль об усовершенствовании мира не ограничивалась только опекой над социальной сферой и перетекала к метафизике: можно ли изменить романтические отношения – так, чтобы покончить с двойными стандартами? Могут ли люди эволюционировать – и поставить взаимодействие выше соперничества, а великодушные – выше эгоизма? Какие формы культуры могли бы поспособствовать такой эволюции?

Несмотря на различия в интересах, иностранцы, как правило, посещали одни и те же места, или, точнее, одинаковые по назначению места. Помимо обязательных к посещению заводов, фабрик и колхозов, иностранцев обычно водили по паркам, театрам, музеям, картинным галереям, яслям, школам и учреждениям народного здравоохранения: больницам, родильным домам и «профилакториям», где, предположительно, перевоспитывали бывших проституток. Многие туристки упоминали о посещении Института защиты матерей и детей и Дворца материнства, «где вели научное изучение и клиническую проработку всех вопросов, касающихся здоровья и благополучия матери и ребенка», о «планах борьбы с болезнями и смертностью; обучении врачей, акушеров, педиатров, медсестер; об образцовых учреждениях» и экспонатах – таких, например, как изображение «румяной крестьянки со здоровым младенцем на одной руке и с книжкой – в другой». Бывшая активистка суфражистского движения Ребекка Рейхер, побывавшая в СССР в 1919 году, посещала образцовые школы, приют для бывших проституток, роддом и здравницу, а еще встречалась с представительницами Женотдела. В своем дневнике она упомянула о том, что фабрика, на которой она побывала, предоставляет своим работницам социально-бытовое обслуживание, отметила, что в яслях «приятные, светлые, просторные комнаты», и записала замечание сотрудницы Женотдела: «Первым делом мы – граждане, и уже потом – женщины»²⁷.

Фрэнсис Э. Уильямс – из-за того, что ее родная мать с пятилетнего возраста работала прачкой, – находила чрезвычайно трогательной советскую заботу о детях:

Здесь дети всегда могут пойти в школу, и даже детские сады и ясли строятся поблизости от фабрик, что очень удобно для работниц... Опять-таки, не нужно копить деньги и заводить полезные знакомства, чтобы устроить детей в колледж и потом всю оставшуюся жизнь выплачивать долги²⁸.

Широко прославились советские «методы гостеприимства», призванные направлять заезжих иностранцев в такие места, которые власти желали им показать (и заодно отвлечь их от других, которые показывать не следовало), и на них часто указывали как на доказательство того, что огромные успехи, рекламировавшиеся большевиками на весь мир, были просто выдуманы для одурачивания ничего не подозревавших «политических паломников». Сколь бы тонкими ни были работы, написанные на эту тему, в них обычно преуменьшается значение мер, действительно способствовавших общественным преобразованиям в Советском Союзе, и это мешает нам по-настоящему понять тех женщин и мужчин, которых влекло в те годы в СССР²⁹.

²⁷ *Fitzpatrick S. Foreigners Observed: Moscow Visitors in the 1930s under the Eyes of Their Soviet Guides // Russian History / Histoire Russe. 2008. Vol. 35. № 1–2. P. 224–225; Smith J. Woman in Soviet Russia. New York, 1928. P. 166 («научное изучение» и «румяная крестьянка»); Reyher R. Russia/Palestine diary, коробка 12, папки 3+4, архив Ребекки Рейхер, Библиотека Шлезингера, Гарвардский университет.*

²⁸ *Williams F. E. To Hell with Bandanas, интервью с Карен Энн Мейсон и Ричарду Кандида Смит, 1992–1993, расшифровка, pp. 236–237, UCLA Oral History Program, Библиотека Бэнкрофта, Калифорнийский университет в Беркли. URL: <https://archive.org/details/tohellwithbandan00will> (дата обращения: 21.10.2015).*

²⁹ *Hollander P. Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978. New York, 1981. P. 141; Fitzpatrick S. «Foreigners Observed»; David-Fox M. «The Fellow Travelers Revisited: The ‘Cultured West’ through Soviet Eyes» // Journal of Modern History. 2003. Vol. 75. № 2. P. 300–335; David-Fox M. Showcasing the Great Experiment; Stern L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–40: From Red Square to the Left Bank. New York, 2006.*

Учреждения, демонстрировавшие внимание советской власти к женщинам и детям, становились главными туристическими достопримечательностями не только потому, что советские руководители желали похвастаться своими достижениями в этой области, но еще и потому, что путешественники находили эти места чрезвычайно привлекательными.

Всех посетителей естественным образом манили те стороны советской системы, которые были созвучны их собственным интересам. Писательница Санора Бабб приехала в Россию в 1936 году на Московский театральный фестиваль, но еще ее интересовало сельское хозяйство, и поэтому она посетила колхоз. И это посещение стало одним из самых ярких впечатлений ее поездки. Она сделала поразительные фотопортреты крестьянок – крепких, сильных, явно гордых своей работой – и записала:

Работы в колхозе неспорны, но отношения между этими людьми теплые, добрососедские. Наверное, тут нужно какое-то новое слово, потому что старые слова слишком истерлись, а здесь видны новые и очень здоровые отношения³⁰.

Анна Рочестер и Грейс Хитчинс поехали в Советский Союз туристками, но, будучи феминистками, сообщая приложили усилия к тому, чтобы увидеть, как именно повлияла революция на жизнь женщин, – причем, следует отметить, этот вопрос поднимали почти все женщины, побывавшие в стране Советов и оставившие об этом свидетельства. Собственно, книга Рут Грубер «Я побывала в советской Арктике» (1939) и задумывалась как исследование роли женщин в советской Арктике, но, как выразилась автор, «их деятельность наверняка привлекла бы внимание любого иностранца. Они разительно отличались от всех женщин, которых я видела в большинстве стран Европы». Грубер обнаружила, что женщины по всей Арктике занимают руководящие должности, а еще они выполняют такую физическую работу, которая обычно считается мужской: «Они мостили улицы, строили дома, пилили дрова, валили лес и грузили корабли, трудясь бок о бок с мужчинами»³¹.

Даже те иностранцы, которым нравилось увиденное, обычно признавали, что советская сторона хотела, чтобы они увезли с собой определенные впечатления³². Для драматурга и режиссера Хэлли Фланаган, побывавшей в СССР в 1926–1927 годах, а потом еще и в 1930-м, Советский Союз имел огромное значение, потому что он определил ее представление о театре для масс – идеале, который она пыталась воплотить в жизнь как режиссер Федерального театрального проекта, осуществлявшегося в рамках «нового курса». В большинстве своих сочинений Фланаган с восторгом отзывается о советских культурных достижениях, особенно о театре. Однако, судя по тому, как Фланаган описывала молодую комсомолку Кори, приставленную к ней в Москве в качестве проводимой, американка прекрасно понимала, что у ее советских кураторов имеется и собственная повестка.

Кори – девушка в «залихватском алом берете» и «поношенных туфельках, быстро цокавших по московским булыжникам», – излучала «электрические волны энергии». Она

решила, что я ничего не должна пропустить: я должна увидеть колхоз и рабфак... Побывать во Дворце труда, в Кремле, в Музее атеизма и в

---

³⁰ Babb S. There Are No Fences in Russia: Collective Farm (машинопись). Р. 3, коробка 30, папка 14, архив Саноры Бабб, Центр гуманитарных исследований Гарри Рэнсома, Техасский университет. Фотографии: коробка 68, папки 7–8. В книге Бабб «Чьи имена неизвестны» (Whose Names Are Unknown, написана в 1930-х, но опубликована только в 2004 году) подробно рассказано о тяжелой жизни фермера-мигранта в Америке.

³¹ Allen J. Passionate Commitments: The Lives of Anna Rochester and Grace Hutchins. Albany, 2013. P. 120–123; Gruber R. I Went to the Soviet Arctic. New York, 1939, цит. в: Nekola C., Rabinowitz P. Writing Red: An Anthology of American Women Writers, 1930–1940. New York, 1987. P. 236.

³² David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. P. 25–26.

Парке культуры и отдыха; посетить собрание рабочих на заводе, дом культуры рабочих и выступление красноармейцев.

Кори наизусть сыплет статистическими данными. Она «не только всезнающая, но и всемогущая. Мы проникаем за кремлевские стены, беседуем с чиновниками, посещаем политические собрания, достаём билеты в театр, хотя их достать нельзя». Кори постоянно рассказывает обо всех успехах женщин в Советском Союзе и о высоких официальных должностях, которые они теперь занимают.

Сознаю ли я, что на рабфаках, на рабочих факультетах, девушки трудятся наравне с мужчинами, собираясь стать инженерами, техническими специалистками, фрезеровщицами, токарщицами, трактористками, воспитательницами в яслях, фабричными работницами? Слышала ли я о том, что народный комиссар финансов – женщина, и заместитель наркома просвещения – тоже? Понимаю ли я, что женщины в стране Советов заведуют и руководят не только яслями, клубами, читальнями, диетическими столовыми, парками, пищевыми комбинатами, театрами, школами, но и кирпичными заводами, текстильными фабриками и металлургическими предприятиями?³³

Фланаган узнавала обо всем этом с радостью, но ей явно было немного досадно, что всеми этими сведениями ее пичкают чуть ли не силком.

Хотя американцам трудно было обходиться без русского провожатого или переводчика, особенно не зная языка, многие путешественники все-таки «старались доказать, что увидели „настоящую Россию“ и избежали манипуляций со стороны советских гидов». Например, Фланаган понимала, что ею манипулируют, и прямо сообщала об этом своим читателям – возможно для того, чтобы они поверили ей и потому доверились ее рассказу обо всем положительном, что она увидела в СССР. Другие хвастливо перечисляли «тяготы» поездки: нелегкие поиски съедобной еды, дефицит мыла, комковатые матрасы, лютый холод, мухи, грязь и прочие помехи. Все это придавало правдоподобие их заявлениям о подлинном приобщении к советской действительности. Лиллиан Уолд, посетившая СССР в 1924 году по приглашению советского правительства, позже утверждала:

Мы увидели все, что захотели увидеть, и некоторые из самых интересных мест мы посещали вне программы и без сопровождения принимавшей нас стороны. Действительно, там очень чувствовалось всеобщее желание познакомить нас со всем, и особенно – с худшим, что у них имелось и что их очень тревожило³⁴.

---

³³ Flanagan H. Three Russian Women (машинопись), Hallie Flanagan papers, NYPL for the Performing Arts. Частично опубликовано под названием Two Russian Women // Tanager. 1932. Sept.

³⁴ Pesman R. Duty Free: Australian Women Abroad. Melbourne, 1996. P. 140; Lillian D. Wald, Windows on Henry Street. Boston, 1934. P. 262.

Новые мужчины и новые женщины

Западных туристов в Советском Союзе притягивала не только сама возможность воочию увидеть общество в процессе трансформации, но и, что еще важнее, возможность самим переродиться в совершенно новой обстановке. Троцкий объявил целью большевистской революции выпуск «улучшенного издания человека»; как утверждал историк Йохен Хелльбек, «перековка человечества и строительство рая на земле составляли смысл существования коммунистического движения»³⁵.

На советских граждан оказывалось сильное давление, им предписывалось и внешне, и даже внутренне, наедине с собой, стремиться к идеалу, а становление идеального человека, внушали им, может произойти только при социализме. Но и конформизм давал плоды – вплоть до того, что большинство советских граждан искренне желали поверить в то, во что им велели верить. Посторонних тоже манили советская идеология и советский опыт. Вскоре после приезда в Москву в декабре 1934 года Полин Конер записала в дневнике:

С того момента, как я ступила на советскую землю, я почувствовала, что здесь все – особенное: воздух пах по-особому, и земля казалась какой-то особенной... Москва – самое волнующее, самое будоражащее место во всем мире³⁶.

Тех, кто солидаризировался с «движением», ощущение своей важной роли в истории «возвышало над обыденностью, делало гордыми, особенными и смелыми. Оно внушало нам мысль о том, что мы – лучше тех людей, кто не принадлежит к этому великому движению». И на советских граждан, и на заезжих иностранцев возможность «покончить с атомизированным существованием и ощутить себя частицей коллективного движения» оказывала мощную силу почти религиозного притяжения. Айседора Дункан вскоре после приезда в Советскую Россию в 1921 году заявила:

Москва – это чудо-город, и мученичество, претерпеваемое Россией, станет для будущего тем, чем стало когда-то распятие Господа Нашего. Человеческая душа сделается более прекрасной, щедрой и великой – о какой не мечтал даже Христос... Пророчества Бетховена, Ницше, Уолта Уитмена уже сбываются. Все люди станут братьями, их подхватит великая волна освобождения, которая только что зародилась здесь, в России³⁷.

Роза Пастор Стоукс, выросшая в ортодоксальной еврейской семье, но отрекшаяся от иудейских традиций ради коммунистического учения, писала о своей поездке в Москву в 1922 году (в качестве делегатки Четвертого конгресса Коммунистического интернационала) в похожем религиозном духе:

Если после долгих лет реакции, когда ваши глаза напрасно вперились в черноту и не видели реявшего на ветру красного стяга, вы вдруг оказались бы на каком-то просторе, пророчащем миру приход Весны, куда с Востока, Запада

---

³⁵ Хелльбек Й. Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи / Пер. с англ. С. Чачко. М., 2021. С. 20. Как попытался продемонстрировать Хелльбек и другие, используя советские дневники, а также теоретические инструменты, взятые в основном у Мишеля Фуко, «советская власть не просто подавляла и стирала личность и ее мысли, но и сама создавала личности – как объекты познания, которые можно было формировать и совершенствовать (индивидуация), и как субъекты, способные к действию и к деятельности (индивидуализация)» (*Chatterjee Ch., Petrone K. Models of Selfhood and Subjectivity: The Soviet Case in Historical Perspective // Slavic Review. 2008. Vol. 67. № 4. P. 978*).

³⁶ Хелльбек Й. Революция от первого лица; дневник Конер, 16 декабря 1934 года.

³⁷ *Massing H. This Deception. P. 51; Duncan I., Macdougall A. R. Isadora Duncan's Russian Days and Her Last Years in France. New York, 1929. P. 66.*

и Юга десятками рек стекается человечество, уже не скованное льдами Зимы Угнетения, и перед вашими глазами сливается, колыхнется живая масса алых лент, безбрежная, как море, – что бы *вы* тогда ощутили? ...Я – расплакалась. Не тихими, быстро просыхающими, пристойными слезами, нет, я плакала громко, мучительно: и с этими слезами из меня выходила вся горечь и вся сладость. Я рыдала и смеялась сквозь слезы. Все чувства, накопившиеся внутри меня за долгие годы борьбы на родине, прорывались наружу, когда моим глазам открывалась слава грядущей Зари³⁸.

Многие из тех, кого притягивал Советский Союз, изначально воспитывались в религиозной среде, а потом приходили к убеждению, что людям под силу изменить обстоятельства своего существования, так чтобы получить награду не в загробном мире, а уже в земной жизни. Анна Рочестер и Грейс Хатчинс – лесбийская пара, познакомившаяся благодаря участию в прогрессивных христианских организациях и затем примкнувшая к феминистскому движению, – считали, что «дух коммуниста, который не ищет личной славы для себя, а подчиняет свою частную жизнь интересам коммунизма», созвучен «риторике цельного человека», которую обе женщины изначально усвоили благодаря своей христианской вере³⁹. Коммунизм стал чем-то вроде новой веры для светской эпохи, обретая материальное воплощение благодаря живому примеру новой России, где успехи, достигаемые при помощи науки и научного мышления, бросали вызов бесплотным основаниям религиозных верований.

У многих евреев с русскими корнями и Палестина, и Советский Союз пользовались большим спросом как места «волшебного паломничества»: обе земли манили утопическими обещаниями, обе соблазняли тем, что наряду с новыми цивилизациями там появлялись новые люди. Если Палестина звала к себе как еврейская прародина, то Советский Союз предлагал евреям с корнями, уехавшим в Российскую империю, возможность пересмотреть – уже в свете «классовой и политической солидарности» – свою эмоциональную связь со страной, некогда прославившейся жестокими гонениями на евреев. Советский Союз объявил антисемитизм вне закона, и в 1934 году на советском Дальнем Востоке была создана Еврейская автономная область с центром в Биробиджане. Туда начали стекаться поселенцы из США, которые с энтузиазмом восприняли идею создания «территориального анклава, где светская еврейская культура с опорой на идиш и на принципы социализма могла бы послужить альтернативой Палестине». В самом деле, в глазах евреев, как и афроамериканцев, притягательность Советского Союза отчасти состояла в полном обесмысливании таких понятий, как расовая или национальная принадлежность. Луиза Томпсон была лишь одной из многих афроамериканцев, называвших Советский Союз «землей обетованной» из-за того, что там объявили об искоренении расизма⁴⁰.

³⁸ Stokes R. P. Impressions of Russia, микрофильм 67, секц. 24, архив Розы Пастор Стоукс, Библиотека Тамимента, Нью-Йоркский университет.

³⁹ Allen J. Passionate Commitments. P. 120. Выражение «риторика цельного человека» относилось к понятию о том, что все их грани жизни, от писательства до близких отношений и даже одежды, должны быть подчинены «революционным целям». Ibid. P. xi.

⁴⁰ Выражение «волшебное паломничество» взято у Клода Маккея из описания его поездки в Советский Союз в 1922 году: McKay C. A Long Way from Home / Ed. Gene Andrew Jarrett. New Brunswick, 2007. P. 118. *Soyer D.* Back to the Future: American Jews Visit the Soviet Union in the 1920s and 1930s // Jewish Social Studies. 2000. Vol. 6. № 3. P. 125; *Weinberg R.* Stalin's Forgotten Zion: Birobidzhan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928–1996. Berkeley, 1998. P. 13. Полин Конер почти не пишет в своем русском дневнике о еврейских делах, хотя незадолго до того она как раз провела несколько месяцев в Палестине; впрочем, она упоминает о том, что видела постановку «Короля Лира» на идиш в Московском государственном еврейском театре. Дневник Конер, 4 марта 1935 года. Судя по фотографиям, возможно, она сама исполняла в России один из своих «еврейских танцев». Коробка 31, архив Полин Конер. Об афроамериканцах и Советском Союзе см. *Baldwin K. A.* Beyond the Color Line and the Iron Curtain. Dunham, 2002; *Carew J. G.* Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. New Brunswick, 2008; *Gilmore G. E.* Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. New York, 2008; *McDuffie E. S.* Sojourning for Freedom: Black Women, American Communism, and the Making of Black Left Feminism.

Конечно, идеализировать Советский Союз было легче тем, кому не приходилось там жить – или, по крайней мере, не случалось там застрять. Туристы сетовали на тяжелые бытовые условия, но все их тяготы не шли ни в какое сравнение с теми лишениями, которые терпели советские граждане. И заезжие иностранцы, если они сохраняли свое родное гражданство, обычно имели одно преимущество: они знали, что всегда могут уехать. А вот Мэри Ледер, которую обстоятельства вынудили отказаться от американского гражданства, жалела об этом до конца жизни. Ледер приехала в Советский Союз в 1931 году, шестнадцатилетним подростком, вместе с родителями – русскими евреями-идеалистами, которые решили покинуть свой дом в Лос-Анджелесе и поселиться в Биробиджане. Вскоре Мэри поняла, что не может жить «черт знает где, на островке среди моря грязи», и в одиночку перебралась в Москву. Но там ей заявили, что на работу ее не примут без паспорта, а паспорт она оставила у родителей. Ледер телеграфировала отцу, и тот выслал ей паспорт заказным отправлением. Но отправление где-то бесследно затерялось. У девушки, желавшей получить работу, остался единственный выход: принять советское гражданство. А через пару лет, когда супруги Ледер решили уехать из СССР обратно, Мэри не разрешили выехать вместе с родителями. Она осталась в Советском Союзе и прожила там до 1964 года. Другим уроженкам Запада, принявшим советское гражданство, повезло меньше, чем Ледер: их ждали лагеря или смерть⁴¹.

Даже тем иностранцам, которые задерживались в СССР всего на год или даже меньше, трудно было не замечать многих мрачных сторон послереволюционной жизни. У многих (если не у большинства) *желание* верить в лучшее явно пересиливало саму веру. Иными словами, они не столько верили в то, что обещания большевиков действительно сбываются, сколько испытывали желание думать, что все обстоит именно так. Таким образом люди пытались дать разумное объяснение вещам, с которыми в противном случае нельзя было бы примириться. «С каждым часом я делаюсь все краснее, – писала Джесси Ллойд в июле 1927 года из Москвы матери. – Правда, я слышала столько хорошего от некоммунистов, что я нахожусь под большим впечатлением». Она признавала, что аресты здесь – обычное дело, но, как сказал ей один русский товарищ, «в Америке буржуазия арестует множество рабочих. А здесь коммунисты арестуют некоторых буржуев»⁴². Милли Беннет писала подруге в 1932 году:

К России нужно подходить так же, как и к любой другой «вере». Просто убеждаешь себя в том, что правота – на их стороне... А потом, если видишь нечто страшное, от чего содрогается твоя душа, ты зажимаешь глаза и говоришь... «факты не имеют значения».

Кое-кто из тех, кто поначалу поддерживал большевиков (наверное, в числе наиболее известных примеров – Эмма Гольдман и Александр Беркман), очень быстро разочаровались⁴³. Другие же, слишком поддавшись идеологии и увлекшись положительными достижениями Советского Союза, оказались неспособны трезво судить о необходимых или допустимых пределах того, что позволено творить во имя революции, и обычно они хуже сознавали суть того добровольного самообмана, который так точно описала Беннет.

Durham, 2011; *Solomon M. I. The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936*. Jackson, 1998; *Roman M. L. Opposing Jim Crow: African Americans and the Soviet Indictment of U. S. Racism, 1928–1937*. Lincoln, 2012; *Blakely A. Russia and the Negro: Blacks in Russian History and Thought*. Washington, 1986; *Matusevich M. Journeys of Hope: African Diaspora and the Soviet Society // African Diaspora*. 2008. № 1. P. 53–85.

⁴¹ *Leder M. M., Bernstein L. My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back*. Bloomington, 2001. Подробнее об американцах – жертвах Сталина см. *Tzouliadis T. The Foresaken: An American Tragedy in Stalin's Russia*. New York, 2008. См. также *Haynes J. E., Klehr H. In Denial: Historians, Communism & Espionage*. San Francisco, 2003. P. 235–247.

⁴² Джесси Ллойд – Лоле Мэверик Ллойд, 30 июля 1927 года, коробка 32, папка 2, архив Лолы Мэверик Ллойд, отдел архивов и рукописей Нью-йоркской публичной библиотеки.

⁴³ Беннет – Флоренс [фамилия не опознана], 27 января 1932 года, коробка 2, папка 1, архив Милли Беннет, Гугеровская библиотека; *Goldman E. My Disillusionment in Russia*. Garden City, NY: Doubleday, Page, 1923.

Красные возвращаются

Многие эмигранты из царской России, разочарованные опытом жизни в «золотом краю» Соединенных Штатов, искали способы вернуться на родину, и тысячам людей удалось сделать это сразу же после революции. В 1926 году Соня Любен, бывшая российская подданная, жившая в Бронксе и работавшая в сиротском приюте, написала на ломаном английском руководству американской коммунистической партии (КП США), практически умоляя отправить ее в Советский Союз: «Я осмеливаюсь просить вас... поступить по-товарищески и не добавлять новые огорчения к тем, что я уже натерпелась, и еще натерплюсь, оставаясь здесь». Когда-то она рисовала себе «легкую и красивую жизнь» в США, а столкнулась с «горем» и «лишениями», а еще – с бытом, «будто в монастыре». Поскольку Любен хотела «трудиться и бороться за улучшение мира», она считала, что ей нужно жить там, где «очень требуются» рабочие с ее навыками и где она сможет «увидеть и порадоваться обретенным свободам, за которые [она] боролась почти с самого детства»⁴⁴.

Обращение Любен к руководству КП США нуждается в комментарии. Помимо того, что с 1921 по 1928 год советское правительство ограничивало въезд в страну для частных лиц, еще и сама КП США, чтобы сохранить численность своих рядов, ограничивала количество членов партии, которым позволялось уезжать в Советский Союз. Американские коммунисты часто посещали СССР и иногда оставались там довольно долго: для присутствия на конгрессах Коминтерна, для стажировки в Ленинской школе или КУТВ (Коммунистическом университете тружеников Востока, где проходили подготовку кадры из колониального мира, а к ним были отнесены афроамериканцы) или для выполнения особых заданий. Как правило, они жили среди других коммунистов (например, в гостинице «Люкс» в Москве) или старались общаться в основном между собой. И все-таки, хотя члены партии четко осознавали, что принадлежат к группе избранных и могут образовывать изолированное сообщество, во многих случаях различие между коммунистами и попутчиками было скорее количественным, нежели качественным, и было бы ошибкой полагать, что между двумя этими множествами пролегла четкая граница. С другой стороны, ясно и то, что, как заметила Шейла Фицпатрик, «сам факт приезда в Советский Союз еще никого не делал попутчиком». В отдельных случаях любознательные туристы, проведя некоторое время в СССР, превращались в попутчиков или попутчики – в убежденных коммунистов. В других же случаях происходило ровно обратное^{45, 46}.

---

⁴⁴ Любен – КП США, 13 октября 1926 года, ф. 515, ф. 773, катушка микрофильма 55, архив КП США, Библиотека Тамимента, Нью-Йоркский университет.

⁴⁵ Sawyer B. Shedding the White and Blue. P. 67; Baker C. L., Page M. In a Generous Spirit: A First-Person Biography of Myra Page. Urbana, 1996. P. 125; Fitzpatrick Sh. Foreigners Observed. P. 234.

⁴⁶ Джессика Смит, Мэри «Миньон» Гарлин и Луиза Томпсон, проведя некоторое время в СССР, вероятно, под влиянием этого опыта стали попутчиками или даже коммунистками, хотя лишь Томпсон позднее признавалась в том, что вступила в компартию – и что ее подтолкнул к такому решению именно опыт жизни в Советском Союзе (Louise Thompson Patterson oral history, recorded Nov. 16, 1981, Oral History of the American Left collection, Библиотека Тамимента, Нью-Йоркский университет). Хедда Массинг утверждала, что на нее опыт жизни в Советском Союзе подействовал ровно наоборот (Massing H. This Deception. New York, 1951. P. 98). Сложность с этим заявлением Массинг состоит в том, что после одного, а затем и второго негативного опыта, обретенного в Советском Союзе, она продолжала шпионить на СССР.

Новые женщины и «новая мораль»

В глазах тех, кому, как Любен, жизнь в США казалась «монастырской», или для тех, кого сковывали американские моральные нормы, Советский Союз таил особое притяжение. Большевики, обещая «переделать» людей и изменить повседневную жизнь, обещали изменить и любовь, предсказывая, что интимные отношения освободятся от всяких экономических соображений и ненужных общественных ограничений и будут отражать истинный союз – телесный и духовный⁴⁷. Подобная риторика была созвучна издавна существовавшим в США утопическим традициям, которые сближали общие идеалы «свободной любви» (определяемой по-разному – от неограниченной полиамории до взаимной верности, никак не связанной с законом), равенства полов и общинного воспитания детей.

В действительности среди самих большевиков не было единого мнения по вопросам пола. За первые десять лет, последовавшие за революцией, в рамках семейного права были приняты законы, которые разрешали аборт, гарантировали гражданским бракам признание со стороны государства, упрощали процедуру развода и декриминализировали гомосексуальные отношения. Этот семейный кодекс, как поясняла в своей работе одна советская юристка, давал понять, что взрослые люди по обоюдному согласию вольны выражать свои сексуальные желания в любой форме. Но новая прямота привела к сумбуру в отношении к гендерным ролям и ожиданиям. И, надо сказать, советский моральный кодекс оказался чрезвычайно подвижным. Более вольное сексуальное поведение середины 1920-х, особенно среди молодежи, вызывало очень неоднозначную реакцию в обществе, и некоторые недовольные заявляли, что сексуальная неразборчивость угрожает самим устоям революции⁴⁸.

О сексе и морали при коммунизме много писала Александра Коллонтай, самая известная большевичка-феминистка. Она считала, что буржуазный брак угнетает женщин, а еще ей принадлежало знаменитое высказывание: «Половой акт должен быть признан актом не постыдным или греховным, а естественным и законным, как и всякое другое проявление здорового организма, как утоление голода или жажды». Многие молодые люди в Советском Союзе ухватились за идею Коллонтай – объявить секс личным делом взрослых людей, действующих по обоюдному согласию, – увидев в ней свидетельство того, что сексуальная свобода является чем-то радикальным. Некоторые – особенно мужчины – «просто решили, что политическая и сексуальная революции идут нога в ногу», и приравнивали сексуальное стеснение к другим видам буржуазного поведения, которые следовало искоренять как досадные пережитки старого режима. Джессика Смит замечала в 1928 году:

Если раньше курение в определенных местах запрещалось, то теперь некоторые молодые люди считали, что каждый классово сознательный рабочий и комсомолец обязан появляться на собраниях, дымя сразу четырем папиросами, презирать всякую антитабачную и антиалкогольную пропаганду. Если в буржуазных кругах были приняты хорошие манеры, рассуждали они, значит, пролетарий должен вести себя грубее прежнего, ни за что не снимать шапку в помещении и плевать на пол... Это относилось не только к поведению вообще, но и к любовным делам. Поскольку в разгар борьбы

---

⁴⁷ О «новом быте» см. *Everyday Life in Soviet Russia: Taking the Revolution Inside* / Eds. Kiaer Ch., Naiman E. Bloomington, 2006.

⁴⁸ *Френкель Е. П.* Половые преступления. Одесса, 1927. См. также: *Engelstein L.* The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin de Siecle Russia. Ithaca, 1992; *Carleton G.* Sexual Revolution in Bolshevik Russia. Pittsburgh, 2005; *Fitzpatrick Sh.* Sex and Revolution: An Examination of Literary and Statistical Data on the Mores of Soviet Students in the 1920s // *Journal of Modern History*. 1978. Vol. 50. № 2. P. 252–278; *Kon I. S.* The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today. New York, 1995; *Naiman E.* Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton, 1997.

было не до амуров, теперь настоящему революционеру-любовнику незачем пускаться в изысканные ухаживания, он сразу переходит к сути, а девушку, которая противится грубым словам и «лапанью», обвиняют в неспособности преодолеть мещанские предрассудки⁴⁹.

С другой стороны, многие большевистские вожди славились своим пуританством, и среди них, пожалуй, больше других – сам Ленин. В связи с так называемой «теорией стакана воды» (гласившей, что «в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды») Ленин будто бы сказал немецкой коммунистке Кларе Цеткин: «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, края которого захватаны десятком губ?» Ленин рассуждал так: в отличие от питья воды, от половой связи иногда возникает новая жизнь, и потому интимные отношения – дело не только индивидуальное, но и общественное, и тут «возникает долг по отношению к коллективу»⁵⁰.

Хотя критики Коллонтай осуждали ее за будто бы аморальные взгляды, сама революционерка утверждала, что «Эрос бескрылый», или секс без любви, «понижает запас трудовой энергии в человечестве», «препятствуя развитию и укреплению душевных связей и симпатических чувствований», и «обычно покоится на неравенстве прав во взаимных отношениях полов, на зависимости женщины от мужчины». По ее убеждению, социалистическим идеалом должен быть «Эрос крылатый», при котором «окрепнет уважение к личности другого, уменьше считаться с чужими правами, разовьется взаимная душевная чуткость». Под сенью Эроса крылатого любовь не только очистится от собственнического налета – она и подчинится и начнет подпитываться идеалами коллектива, или «товарищеской солидарности». По мнению Коллонтай, как и по мнению многих американок, заинтересовавшихся ее идеями, Эрос крылатый мог утвердиться только при социализме⁵¹.

В США новый советский взгляд на мораль вообще и на отношения между мужчинами и женщинами в частности воспринимался как часть общего изменения человеческой психологии при социализме.

Если вдуматься, во многом люди здесь ведут себя, мыслят и ощущают иначе, чем в других странах, – заявляла журналистка Элла Уинтер в 1932 году, когда уже насаждалась советская «мораль», призванная ограничить вольные сексуальные нравы и обычаи, характерные для более ранних советских лет. – Мужчины смотрят на женщин иначе, чем раньше; женщины относятся к работе и к замужеству, к детям или приготовлению пищи, к церкви или политике не так, как было принято прежде... Личность, порожденная нашим индивидуалистическим миропорядком с его свободной конкуренцией, в Советском Союзе не появляется. Здесь люди строят свой новый порядок, но и этот новый порядок, в свой черед, порождает новых людей⁵².

При этом новом порядке ложная буржуазная благопристойность была отброшена ради установления более естественных общественных отношений. «Многое из того, что кажется туристам, приезжающим в Россию, чуть ли не распутством, – в действительности лишь резуль-

⁴⁹ Слова Александры Коллонтай приводятся в: *Clements B. E. Emancipation through Communism: The Ideology of A. M. Kollontai* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32, № 2. P. 336; *Fitzpatrick Sh. Sex and Revolution*. P. 255. См. также: *Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу* // Коллонтай А. М. Хочу быть свободной. М., 2022.

⁵⁰ *Цеткин К. Воспоминания о Ленине*. М., 1955. С. 48–49.

⁵¹ *Clements B. E. Emancipation through Communism*. P. 336 («Эрос бескрылый»); *Коллонтай А. М. Хочу быть свободной*. М., 2022.

⁵² *Winter E. Red Virtue: Human Relationships in the New Russia*. New York, 1933. P. 6.

тат очень простого, откровенного и земного взгляда русских на половой вопрос», – отмечала Уинтер. Американцы часто выражали удивление и порой недовольство, видя «отсутствие запретов, ограничений и подозрений в обычаях, регулировавших отношения между полами», – например, когда наблюдали совместное купание нагишом, принятое в СССР, или оказывались в купе ночного поезда вместе с попутчиком противоположного пола⁵³.

Левая пресса в США почти единодушно приветствовала совершившуюся в СССР революцию нравов, заявляя, что буржуазная мораль не только подавляет естественные инстинкты людей, но и угнетает женщин. В чрезвычайно авторитетном сборнике «Секс и цивилизация» (1929) В. Ф. Калвертон («Карл Маркс сексуальной революции») утверждал, что в Советском Союзе «женщина наконец-то стала человеком, наделенным теми же правами и привилегиями, что и мужчина». Далее он доказывал, что правовое положение женщин в Советском Союзе предвещает появление новой моральной экономики и в общественных, и в сексуальных отношениях. Родившийся в Российской империи американский журналист Морис Хиндус тоже заявлял, что большевики «стремятся освободить секс от юридических, религиозных и некоторых социальных предрассудков, мешающих и женщинам, и мужчинам»⁵⁴.

Среди правых рассказы о советских сексуальных эксцессах тесно связывались со страхами перед радикальной политикой. В романе американской коммунистки Майры Пейдж «Янки в Москве» (1935) рабочий-дурачок из Детройта, собравшийся в Москву, с предвкушением заявляет: «Ах да, голубчик, там же, в России, свободная любовь!» Небылицы о «национализации женщин» (то есть о том, что женщины стали собственностью государства), о «Бюро свободной любви» и о том, что лучших девушек отдают «красным солдатам, матросам и морякам», охотно подхватывали все, кто желал очернить революцию⁵⁵.

Но если слухи штамповали главным образом правые, то даже некоторых обозревателей-либералов тревожили отдельные стороны большевистской «новой морали». В 1928 году журналистка Дороти Томпсон высказала мысль о том, что за «эмансипацию» женщин России пришлось заплатить слишком высокую цену:

Пожив некоторое время в России, начинаешь задумываться: быть может, этот процесс правильнее называть не «эмансипацией», а «стерилизацией»? Быть может, сведя Эрос к простейшей и удобнейшей функции – утолять сексуальные потребности и производить для государства новых граждан, – Россия создает цивилизацию, наиболее враждебную ко всему природно-женскому?

Томпсон была убеждена:

Брак и любовь не «освободились от оков». Вместо старых цепей им выковали новые – уже без сентиментальных и эмоциональных привязанностей, которые делали прежнюю систему хоть сколько-нибудь терпимой.

По мнению Томпсон, законы теперь карали целомудренных и поощряли распутных. Историк Уэнди Голдман отмечала:

---

⁵³ Ibid. P. 116.

⁵⁴ *Foley B.* Radical Representations: Politics and Form in U. S. Proletarian Fiction, 1929–1941. Durham, 1993; *Foreman H. J.* Sex in the Civilization of the Twentieth Century // New York Times Book Review. 1929. June 9 («Карл Маркс»); *Calverton V. F.* Sex and the Social Struggle // Sex in Civilization / Ed. V. F. Calverton, Samuel D. Schmalhausen. New York, 1929. P. 276–279; *Hindus M.* Humanity Uprooted. 1929; repr. New York, 1932. P. 90.

⁵⁵ *Page M.* Moscow Yankee. New York, 1935. P. 16; *Delegard K.* Battling Miss Bolsheviki: The Origins of Female Conservatism in the United States. Philadelphia, 2012. P. 28–29. Журнал правого толка *Woman Patriot* публиковал множество статей, якобы свидетельствовавших о проведенной большевиками «национализации женщин» и осуждавших Александру Коллонтай.

Содействуя тому, что некоторые считали «свободной любовью», новые законы потакали тому, что другие считали «развратом», размывая черту между свободой и хаосом⁵⁶.

У американок в Советском Союзе вызывало противоречивые чувства отношение к половым вопросам, но многим из них относительная открытость в этой сфере казалась привлекательной: ведь в ту пору в США даже вооружать женщин *знанием* о предохранении от беременности было незаконным. Когда Дороти Уэст находилась в Москве, подруга попросила ее в письме «хорошенько разузнать, как предохраняются русские женщины, и потом поделиться рассказом об этом с подругами». Рут Кеннелл, вернувшаяся в 1928 году в США после шести лет жизни в СССР, где она отказалась от викторианских взглядов на секс, (на время) забыла о своем браке и успела завести нескольких любовников (и американцев, и русских), считала, что свобода в отношении секса и средств контрацепции в Советском Союзе говорила о существовании более высокой морали, нежели та, что господствовала в США: «Главное различие между Москвой и Нью-Йорком я вижу в том, что в Москве женщина вольна дарить свою любовь, а у нас она вынуждена продавать ее»⁵⁷.

Несмотря на все слухи о «свободной любви» в России, заезжих американцев часто поражала мысль о том, до чего заикленной на сексе кажется как раз *западная* культура по сравнению с тем, что они наблюдали в СССР. Морис Хиндус утверждал:

Здесь ни в ресторанах, ни в театрах нигде не увидишь изображений полубоженных красоток во всевозможных соблазнительных позах, какие на каждом шагу бросаются в глаза приезжему на некоторых улицах в Берлине. Революционеры считают эксплуатацию женского тела в коммерческих целях гнусным оскорблением для всех женщин. В России нигде не продают порнографических картинок – ни открыто, ни исподтишка, их просто не достать. Русские не жаждут и не требуют заместительных форм полового возбуждения.

Еще до того, как началась первая пятилетка, ввергшая большинство русских в трудовой угар, американцам казалось, что русские совсем не помешаны на сексе. В неопубликованном романе Джесси Ллойд «Эмансипе в России» (написанном отчасти на основе личного опыта самой Ллойд, жившей в Москве с июля 1927 по сентябрь 1928 года), рассказчица сетует на то, что русские мужчины почти не глядят на ее тело: «Если они на тебя вообще смотрят, то пристально смотрят прямо в глаза, как будто хотят понять – что ты за человек». Поэтому она задумывается: «Тут что, никто не флиртует?»⁵⁸

В начале 1930-х вольные сексуальные нравы стали подвергаться все более заметным ущемлениям. В 1933 году был принят закон против гомосексуальных отношений, после чего молодого актера, за которого успела выйти замуж Милли Беннет в Москве, приговорили к лагерям за «гомосексуальное прошлое»⁵⁹. В 1936 году были объявлены незаконными аборты, это безошибочное мерило «новой морали», и труднее стало получить право на развод. К середине

---

⁵⁶ Thompson D. The New Russia. Henry Holt, 1928. P. 263–264, 274; Goldman, Women, the State, and Revolution, p. 109.

⁵⁷ Надин [фамилия не опознана] – Уэст, письмо из Бостона, 15 июля 1932 года, картонный ящик 1, папка 9, архив Дороти Уэст, Библиотека Шлезингера, Гарвардский университет; Kennell R. Soviet Satisfied with 'Free Love': Prudery and Hypocrisy Ended, Says American Woman // San Francisco News. Без даты, ок. 1928, вырезка, коробка 6, папка 16, архив Рут Эпперсон Кеннелл, Орегонский университет, Юджин (далее – архив Кеннелл); Кеннелл – Сэму Шипману, 20 марта 1926 года, коробка 9, папка 3, архив Кеннелл.

⁵⁸ Hindus M. Humanity Uprooted. P. 97; Lloyd J. A Flapper in Russia (неопубликованная рукопись). P. 22, коробка 88, папки 10–15, архив Джесси Ллойд О'Коннор, колледж Смит.

⁵⁹ Healey D. Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent. Chicago, 2001; Беннет – Элмеру Розингеру, 28 сентября 1934 года, коробка 4, папка 22, архив Милли Беннет, Гуверовская библиотека.

1930-х годов, хотя русские еще продолжали загорать нагишом, «свободная любовь» отошла в прошлое.

Что значит быть новой женщиной

И русские, и американцы боготворили новую советскую женщину из-за ее естественной красоты, силы и атлетизма, хотя одновременно подчеркивали, что они якобы совсем не заботятся о своей внешности, а целиком сосредоточены на переменах *внутри себя*. Фотограф и журналистка Маргарет Бурк-Уайт писала в 1932 году в статье для *The New York Times*:

В России формируется новый склад ума, и результат этого этапа эволюции – новая женщина. Ей присуща не столько красота, сколько выносливость и уверенность в себе⁶⁰.

Большинство американок, побывавших в Советском Союзе, признавали, что сами они одеты приличнее, и даже кожа и зубы у них лучше, чем у советских женщин. И все-таки эти прилично одетые женщины, которых дома ждали все блага цивилизации, завидовали «внутренней революции», совершившейся в их советских сестрах, их трудолюбию и преданности своему обществу, и мечтали тоже как-нибудь приобщиться ко всему этому⁶¹.

Притом что действительные условия существования для большинства работниц в Советском Союзе оставались невообразимо тяжелыми, освобожденная и классово сознательная труженица сделалась впечатляющим символом достижений революции. Особенно ярко она олицетворяла эти достижения в глазах сторонних наблюдателей, которые возлагали большие надежды на советский эксперимент в период, озаглавленный регрессом в борьбе американских женщин: с 1920-х по 1940-е годы, когда организованный феминизм после победы суфражизма постепенно терял прежние темпы, женское движение в США переживало «десятилетия недовольства». Те, кто называл себя феминистками, сокращали свои программы, переставали добиваться социального обеспечения, расширения экономических возможностей и сексуального освобождения, отступаясь от прежних требований из-за развернувшейся травли «красных». К тому же взятый правительством «новый курс» продвигал дискурс, согласно которому кормильцем в семье должен быть мужчина (а женщине, в свой черед, полагается сидеть дома), и потому женам трудоустроенных мужей запрещалось работать в системе Управления промышленно-строительными работами общественного назначения (WPA). В силу этих причин общественно-экономические преобразования, происходившие в СССР, хоть и часто оказывались болезненными для самих советских граждан, восхищали многих иностранцев. Осенью 1932 года афроамериканская поэтесса Хелен Джонсон написала своей кузине Дороти Уэст: «Крошка Дот, только подумай, ты ведь – часть этой огромной новой экономической лаборатории, часть великолепного опыта... Мне остается только люто завидовать тебе»⁶².

Хэлли Фланаган пришла к выводу, что русские вообще и русские женщины в частности – самобытные, целеустремленные и не скованные внешними общественными условиями люди:

Когда по булыжной мостовой прут эти обтрепанные работницы и крестьянки, солдатки и комсонолки (*sic*), неся в руках завернутый в газету черный хлеб и веточки сирени, они держатся с какой-то вольной прямоотой. Видно, что они свободны от тирании, они – не чья-то собственность, им нет нужды прикрашивать ни лицо, ни ум.

---

⁶⁰ Bourke-White M. Silk Stockings in the Five-Year Plan // New York Times. 1932. Feb. 14. SM4.

⁶¹ Hindus M. Humanity Uprooted. P. 288.

⁶² Джонсон – Уэст, октябрь 1932 года, картонный ящик 1, папка 9, архив Дороти Уэст, Библиотека Шлезингера, Гарвардский университет. Подробнее см., например, Scharf L., Jensen J. M. Decades of Discontent: The Women's Movement, 1920–1940. Boston, 1987; Melosh B. Engendering Culture: Manhood and Womanhood in New Deal Public Art and Theater. Washington, 1991.

Как это происходило и в московских театральных постановках на почти голой сцене, свидетельствовавших о возможности не только играть, но и по-настоящему проживать свое собственное «я», «отсутствие стиля» у советских женщин как будто предвещало «зарождение нового стиля»⁶³.

---

⁶³ *Flanagan H.* Blood and Oil: In Russia Drama Is Made to Serve Man's Welfare in Unprecedented Ways // Theatre Guild Magazine. P. 28.

Страдание, насилие и утопическое сознание

Образ эмансипированной, спортивной, улыбчивой работницы-героини стал чем-то вроде рекламной вывески, за которой скрывались и ограниченные возможности советской социальной системы, и ограниченный характер женской эмансипации при большевиках. Хотя новые законы, принятые сразу же после революции, имели своей целью освобождение женщин, в действительности мало кто из них извлек пользу из этих начинаний. Тысячи женщин вступили в коммунистическую партию, записались на курсы ликбеза и, по меньшей мере, осознали собственное право требовать более справедливого обращения, но материальная нужда и глубоко укоренившийся в русском обществе сексизм все равно ограничивали женские возможности. Вдобавок к хаосу, вызванному мировой войной и революцией, русский народ губили Гражданская война и голод: с 1916 по 1921 год от войны, истощения, холода и болезней умерло 16 миллионов жителей России. В таких обстоятельствах государственные службы, естественно, не справлялись со своей работой⁶⁴.

Попытки повысить производительность экономики и снизить затраты во время нэпа приводили к урезанию расходов на ясли и другие учреждения для детей и женщин, что мешало женщинам выходить на работу. Мужчины привычно препятствовали обучению женщин различным профессиям, требовавшим высокой квалификации, по сути, отрезая им пути к более высокому заработку. И несмотря на законы, запрещающие подобную практику, работодатели часто дискриминировали женщин, особенно замужних, чтобы избежать потенциальных расходов – например, на оплачиваемый декретный отпуск. А еще они увольняли беременных и кормящих женщин, опять-таки нарушая законодательство⁶⁵.

И женщины делали лишь скромные успехи в общественной деятельности: притом что весьма немногие все же занимали заметные или важные должности (например, заведовали библиотеками, музеями и учреждениями социальной сферы), никак нельзя было утверждать, что их присутствие на руководящих постах пропорционально доле женщин в общем населении. В отчете, написанном в 1929 году Энн О'Хэр Маккормик, отмечалось:

Женщины часто заняты наравне с мужчинами физическим трудом, но действительно важные должности достаются им ничуть не чаще, чем в странах с самым консервативным политическим строем.

Хотя в годы первой пятилетки работницы и добивались успехов, многих из них гнала на работу экономическая нужда, и они находили, что государственные льготы, признанные облегчить им бытовые тяготы, удручающе недостаточны. Условия труда на фабриках оставались «чудовищными». В сельскохозяйственном секторе был взят курс на коллективизацию, что приносило женщинам скромную пользу, но эти материальные выгоды едва ли возмещали «масштабные нарушения и ущерб, вызванные коллективизацией», ведь от миллионов крестьян требовалось безропотное подчинение. А от искусственно вызванного массового голода, охватившего в начале 1930-х годов Украину, пострадало несоразмерно большее количество женщин, потому что многие мужчины покинули тогда села и уехали на поиски работы в города⁶⁶.

Экономические условия начали улучшаться в 1932 году, но все чаще проводившиеся публичные суды над якобы вредителями (кульминацией стали открытые Московские процессы над старыми большевиками) стали фиктивным оправданием Большого террора, в рамках кото-

---

⁶⁴ *Goldman*, *Women, the State, and Revolution*. P. 96.

⁶⁵ *Engel B. A. Women in Russia*. P. 150–153.

⁶⁶ *O'Hare McCormick A. The Hammer and the Scythe: Communist Russia Enters the Second Decade*. New York. 1928. P. 159; *Chatterjee Ch. Celebrating Women*. Н. 139 (об обстановке на фабриках и на селе); *Engel B. A. Women in Russia*. P. 172 (об Украине).

рого было отправлено в тюрьмы и лагеря или расстреляно около миллиона советских людей, а также иностранцев (в том числе и несколько американцев). Кроме того, с появлением новых законов против содомии, аборт и разводов ужесточился государственный надзор и воцарилась репрессивная политическая атмосфера, все больше посягавшая на частную жизнь граждан. В середине 1930-х вновь было восстановлено различие между законными и незаконными детьми, а многодетные женщины начали получать от государства льготы и поощрения⁶⁷.

Наконец, суровые и репрессивные стороны советской жизни стали все больше бросаться в глаза иностранцам, а находить для них объяснения делалось все труднее. Корнелию Кэннон, посетившую СССР в 1935 году, поразило многое, но ее глубоко встревожила участь бывших дворян и противников режима: «От этого щемит болью сердце, и это превращает все достижения советского правительства в прах и тлен», – записала Кэннон в дневнике, который вела для своих родных⁶⁸.

Показательные судебные процессы, проведенные в Москве с 1936 по 1938 год, вызвали серьезную критику со стороны многих американцев – в том числе левых интеллектуалов, которых возмущало то, что они считали сталинским перехватом левой повестки. И все-таки Народный фронт против фашизма, образовавшийся в середине 1930-х и действовавший в США как неформальная коалиция коммунистов, независимых радикалов и либералов «нового курса», сохранял свое политическое и культурное влияние вплоть до 1939 года. Подписание нацистской Германией и Советским Союзом пакта о ненападении заставило многих людей выйти из компартии или порвать связи с коммунистами. Союз между США и СССР, заключенный во время Второй мировой войны, на время оживил образ новой советской женщины: отвага, с которой она сражалась с нацистскими ордами, напоминала бесстрашие русских революционерок.

После того как война закончилась и хрупкий альянс распался, холодная война способствовала возникновению новых ассоциаций – между диссидентством и коммунизмом, между коммунизмом и шпионажем. На Западе утвердилось мнение, что Советский Союз нацелен прежде всего на «подрыв или насильственное разрушение государственных органов и основ общества в странах несоциалистического мира». К 1960-м годам, когда сформировалось новое поколение американских радикалов и бунтарей, воспоминания о былой привлекательности Советского Союза для туристов, реформаторов, охотников за рабочими местами и феминисток уже успели поблекнуть или вовсе стереться. Новое племя активистов, выросших из правозащитного и антивоенного движения на университетских кампусах, называло себя «новыми левыми» – чтобы их не путали со «старыми левыми», которые потерпели крушение из-за подводных камней сталинизма и собственного излишне наивного приятия советской «линии»⁶⁹.

---

⁶⁷ Engel B. A. Women in Russia. P. 180–185.

⁶⁸ Корнелия Кэннон, Русский дневник, 17 августа 1935 года, коробка 12, папка 9, архив Корнелии Кэннон, Библиотека Шлезингера, Гарвардский университет.

⁶⁹ National Security Council, «NSC-68: United States Objectives and Programs for National Security», Apr. 15, 1950. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (дата обращения: 04.09.2015). Об отношениях между старыми левыми и новыми левыми см. Isserman M. If I Had a Hammer: The Death of the Old left and the Birth of the New Left. New York, 1987; Diggins J. P. The Rise and Fall of the American Left. New York, 1992. Бывали и исключения: например, в 1950-х и 1960-х, после того как Хрущев поддержал африканские движения за деколонизацию, в Советский Союз устремилось большое количество афроамериканцев. Carew J. G. Blacks, Reds, and Russians. P. 200–207.

Жестокий оптимизм

Разумеется, очень многие женщины, приезжавшие в Советский Союз, или были настроены весьма критично, или составляли неоднозначное мнение об увиденном. Других ожидало разочарование и разуверение. Меня же больше всего интересует «жестокий оптимизм», заставлявший очень многих упорно цепляться за идеал, который не только был изначально с невыносимой беспощадностью навязан народу, но и оказался затем извращен навязчивой паранойей, заставлявшей оправдывать аресты, ссылки и казни миллионов людей, в том числе и тех, кто в действительности сохранял верность режиму. Американок тянуло в Советский Союз потому, что он олицетворял обещание счастливых перемен, и оно явно распространялось на мечтавших об эмансипации женщин. Сами условия современной жизни – неважно, при капитализме или при коммунизме, – делают еще более мимолетным ощущение той цельности, к которой стремились и продолжают стремиться женщины (да и мужчины тоже)⁷⁰. Но что происходит с самим этим стремлением?

Утверждать, что все, кто примкнул к выполнению созидательных и преобразовательных задач русской революции, впали в самообман или просто помешались, значит предельно упрощать сложный характер их мотивов, их желаний, их опыта. Кроме того, тот же самый идеал, что оправдывал большевистский террор, подпитывал и мечты радикалов в Америке, выводил на международный уровень феминизм и порождал новые способы выживать в современных условиях. Революционная привлекательность России согласуется с давним – и непрекращающимся – желанием женщин «добиться всего». Советская Россия манила американок обещанием товарищеских, равноправных отношений, приносящего радость труда, надежной системы заботы о детях и гарантированного школьного обучения для них, – словом, обещанием построить такой мир, которому будет не страшно довериться.

Успех попыток антифеминистов привязать феминистскую повестку к «антиамериканской» деятельности (то есть к большевизму) подталкивает к догадке, почему в послевоенный период настолько возобладали сексуальная аскеза и традиционные гендерные нормы: ведь все, что как-то перекликалось с советским контекстом, сразу же навлекало на себя подозрения. В США расхожие представления о советской женщине как о бесполой, неухоженной работяге, тайно мечтающей о ширпотребе, а об американской шпионке – как о вероломной эротоманке, поддерживали нарратив «загадки женственности» (по выражению Бетти Фридан), то есть идею, согласно которой женщины способны обрести настоящее счастье, только сделавшись женами и матерями⁷¹.

Ныне забытое притяжение американских феминисток к России сообщает нам кое-что о нас самих, о нашей сегодняшней готовности вставать под знамена иных форм жестокого оптимизма: «пробивать себе путь» в карьере, находить «третье мерило» успеха, становиться «матерями-тигрицами» или же утверждать, что материнство на самом деле – особая профессия и она требует полного рабочего дня, или даже, быть может, провозглашать, что патриархат мертв и женщинам нужно просто пережить это. Все эти формулировки, пожалуй, вносят еще меньше смысла и утешения в жизнь женщин, чем те давние мечтания о новом обществе, активно строящем светлое будущее для человечества⁷².

---

⁷⁰ Berlant L. Cruel Optimism. Durham, 2011; Scott J. Fantasy Echo: History and the Construction of Identity // Critical Inquiry. 2001. Vol. 27. No 2. P. 289.

⁷¹ Friedan B. The Feminine Mystique. New York, 1963. О послевоенных гендерных ролях и сексуальных нравах см. May E. T. Homeward Bound: American Families in the Cold War Era. New York, 1988. О динамике холодной войны как определяющей черте отношений между США и СССР после большевистской революции см. Buck-Morss S. Dream world and Catastrophe: The Passing of Mass Utopia in East and West. Cambridge, 2000.

⁷² Sandberg Sh., Scovell N. Lean In: For Graduates. New York, 2014; Stassinopoulos Huffington A. Thrive: The Third Metric

Материал в этой книге распределен в тематическом и наполовину хронологическом порядке. Двигаясь от несостоявшейся революции 1905 года ко Второй мировой войне и касаясь затем событий, которые происходили позже, мы рассмотрим опыт женщин, чьи жизненные траектории часто пересекались и чьи биографии переплетались одна с другой. С некоторыми женщинами, для которых русская революция стала делом всей жизни, – Анной Луизой Стронг, Рут Эпперсон Кеннелл, Айседорой Дункан, Лиллиан Уолд, Маргарет Бурк-Уайт и другими, – мы будем встречаться в разных главах, их появление поможет нам связать различные темы. Опираясь наряду с опубликованными материалами на дневники, частную переписку и мемуары, я пытаюсь понять, каким образом Россия и Советский Союз воздействовали на самосознание женщин, на их отношения с людьми и на их представление об идеальном обществе.

Эти женщины были реформаторшами, журналистками, исполнительницами и/или писательницами; некоторые были убежденными коммунистками. В России и Советском Союзе они находили (в зависимости от обстоятельств): профессиональный успех; ужасающую нищету, голод и болезни; непредвзятые подходы к расовым и половым вопросам; предвзятые подходы к расовым и половым вопросам; поразительные примеры художественных экспериментов; чудовищное насилие, паранойю и страх; страстно увлеченную публику; сексуальное удовлетворение; вдохновляющие примеры идейной преданности.

Как ни странно, очень многие свободолобивые женщины из США восхищались режимом, практиковавшим террор и репрессии, и материально поддерживали его. Революционная Россия, при всех присущих ей противоречиях, помогала формироваться главным элементам американского феминистского сознания и вообще самосознанию женщин и их пониманию своего места в мире. До сих пор эта тема оставалась почти неисследованной.

ЧАСТЬ I

Нежные революционерки и спасительницы детей

В конце XIX – начале XX века сочетание факторов привело к тому, что некоторые категории американок пришли к поддержке русской революционной борьбы. Бурное развитие печатных СМИ и международной репортажной журналистики придало особую остроту таким темам, как гнет российского царского режима и революционное сопротивление этому режиму. Как раз в ту пору американки массово заявляли о собственной независимости: в невиданных ранее количествах оканчивали колледжи, работали по специальности, публично протестовали против самых разных несправедливостей, требовали сексуальной свободы и равноправия в браке. К тому же к 1920-м годам американки-реформаторши успели стать видными представительницами нового «прогрессивного интернационализма», который выступал против создания американской империи и был направлен на «сотрудничество с другими народами в поисках мира и социальной справедливости»⁷³. В повестке прогрессивных интернационалистов важное место занимало приобщение «темнейшей России» к демократии, так как из-за погромов, преследования инакомыслящих и мученичества женщин становилось все очевиднее, что Россия находится в самом центре охватившей весь мир борьбы демократии с тиранией. Помимо самого поразительного факта, что женщины в России участвовали в революционной деятельности, новых женщин в США привлекало и то, что сам идеал женского равноправия – при получении образования, при устройстве на работу и в романтических отношениях – принимался как нечто само собой разумеющееся почти всеми революционными организациями в России – от народников до социал-демократов.

Широко распространенное в США сочувствие к жертвам царского угнетательского режима выросло из осознания, что в общенародной русской тяге к свободе и справедливости есть нечто универсальное, а также из ощущения родства с русским народом, основанного на схожих географических условиях и исторических параллелях между рабством и крепостным правом. Журналистка-социалистка Анна Струнская писала о революции 1905 года:

Это была война не только за национальную свободу, но и за создание такой общественной свободы, какой еще не было нигде в мире. Это движение было созидательной силой, сметающей все на своем пути, служившей идее свободы и справедливости.

Реформатор и организатор благотворительных учреждений Лиллиан Уолд десятилетием позже заявляла, что человек,

который не видит в исполинской борьбе, идущей в России, мирового движения за свободу и прогресс, являющейся и нашей борьбой, не поймет всей важности того сочувствия, которое испытывают многие американцы – друзья русской свободы⁷⁴.

---

⁷³ О подъеме международной журналистики см. *Giovanna Dell'Orto*, *Giving Meanings to the World: the First U. S. Foreign Correspondents, 1838–1859*. Westport, CT: Greenwood Press, 2002. О постре знаний о России и внимания к ней в Америке см. *David C. Engerman*, *Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, 2003. О подъеме современного (международного) феминистского движения см. *Cott N.* *The Grounding of Modern Feminism*. New Haven, 1987; *Rupp L. J.* *Worlds of Women: The Making of an International Women's Movement*. Princeton, 1997. Об участии женщин в работе над прогрессивными реформами см. *Muncy R.n.*, *Creating a Female Dominion in American Reform, 1890–1935*. New York, 1991. О «прогрессивном интернационализме» см. *Dawley A.* *Changing the World: American Progressives in War and Revolution*. Princeton, 2003. P. 7.

⁷⁴ *Strunsky A.* *Revolutionary Lives* (неопубликованная рукопись), коробка 32, папка 388, архив Анны Струнской Уоллинг (АСУ), Йельский университет; *Wald L.* *The House on Henry Street*. New York, 1915. P. 248.

Крушение самодержавия и приход к власти умеренного правительства Керенского в начале 1917 года вызвали ликование некоторых жителей США: эти события праздновали в благотворительных заведениях, на парадах суфражисток и в профсоюзах. Даже после захвата власти большевиками, которые яростно подавили всякую оппозицию, начали конфискацию частной собственности и вывели Россию из Первой мировой войны, большинство радикалов и многие прогрессисты в США продолжали поддерживать их, пусть и несколько осторожно. Среди сторонников большевиков было и немалое число реформаторов, годами ратовавших за «русскую свободу». Особенно интересовали советские эксперименты с решением «женского вопроса» прогрессивных американок. Так, суфражистка Мэри Уинзор, побывав в Советском Союзе заявила:

Когда большевики пришли к власти, Ленин сказал, что они должны разрушить до основания все здание женского унижения: гражданского, правового и политического. И они действительно камня на камне не оставили от него, и теперь женщины пользуются равными с мужчинами правами⁷⁵.

Когда же за революцией последовала Гражданская война, а за Гражданской войной – голод, американки принялись действовать: сначала убеждать Конгресс покончить с негуманной блокадой, чтобы русские матери и дети начали получать еду и лекарства, а потом – поддерживать усилия по оказанию помощи регионам, сильно пострадавшим от в 1921 году от голода, который грозил мучительной смертью миллионам детей и ставил под сомнение будущее всей Советской России.

Американки как общественные деятельницы заявили о себе прежде всего в качестве матерей, и это увязывалось с имперскими проектами США. Появление новой женщины и решительный напор социального евангелизма значительно повлияли на этот динамический процесс. Теперь женщины отстаивали свою свободу ездить за рубеж и одновременно выступали против милитаризма и империализма, «открыто отдавая предпочтению миру и доказывая это словами и делом»⁷⁶.

Социальный евангелизм вдохновил многих на попытки исправить мир, искоренить бедность и несправедливость, целью этого движения было достижение общественной гармонии – создание «царства Божьего на земле». Подобные богословские учения подталкивали многих людей к приятию не просто правительственных реформ, но и социализма: одной веры в Бога, как выяснилось, было мало, она не решала наболевших проблем. Большевицкая революция, хотя большевики и разделяли убеждение Маркса, что «религия – опиум для народа», быстро завоевала симпатии многих христиан, не видевших необходимости в непременном конфликте между основными принципами коммунизма и главными ценностями христианства. Иудейская традиция связывать мессианство и каббалистическое понятие *тиккун олам* (исправление мира) с интернациональными идеями получила мощнейший толчок в России конца XIX века, когда движение Хаскалы (еврейское просвещение) втянуло тысячи евреев в революционные движения. И многие еврей-социалисты поверили, что большевицкий переворот положит конец гонениям на российских евреев. Однако боялись они и того, что гуманитарный кризис, который неизбежно последует за революцией, может помешать исполнению всех обещаний революции⁷⁷.

---

⁷⁵ Winsor M. The Status of Women in Soviet Russia (машинопись), 1927, архив Мэри Винзор, Библиотека Шлезингера, Гарвардский университет.

⁷⁶ Hunter J. H. Women's Mission in Historical Perspective: American Identity and Christian Internationalism // *Competing Kingdoms: Women, Mission, Nation, and the American Protestant Empire, 1812–1960* / Ed. B. Reeves-Ellington, K. Kish Sklar, C. A. Shemo. Durham, 2010. P. 26, 29; Kaplan A. Manifest Domesticity // *American Literature*. 1998. Vol. 70. № 3. P. 585–586.

⁷⁷ Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981.

Этот кризис породил моральный императив накормить, одеть и вылечить русских детей: ведь если дать им шанс расцвести при новом режиме, эти истощенные, хилые дети со временем могут превратиться в новых людей – спасенных не только американскими продуктами и лекарствами, но и социализмом. Суммарное действие войны, экономической блокады и голода было таково, что возникло приемлемое оправдание для решения американок, представительниц среднего класса, развернуть деятельность на территории, где в иных обстоятельствах их присутствие было бы сочтено неподобающим. Они бросились спасать русских детей – но многие из этих женщин, сознательно или нет, надеялись обрести спасение и для самих себя.

ГЛАВА 1

Мечты в красном⁷⁸

РЕФОРМАТОРЫ, БУНТАРИ И «БАБУШКА»-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА

Летом 1905 года Анна Струнская, «молодая социалистка из Сан-Франциско» (и эмигрантка из России), метко сформулировала мысль о привлекательности русских революционеров в глазах девушек вроде нее самой:

Значит, эта женщина, не имевшая в чужих глазах одобрения, решилась шагнуть к славе; она, чужая вещь, поклялась в душе, что станет свободной; она, когда-то невежественная и беспомощная, разве только мать и жена, разве только сестра и помощница, настояла на своем праве учиться, впитывать культуру, искать свое счастье в счастье других, дорастать до человеческого достоинства... Она стояла на серой заре свободы – сознающая себя личность, одновременно и воительница, и жрица^{79, 80}.

Американские новые женщины, писавшие и говорившие о «русской свободе», помогали соотечественникам составить представление о революционной России: о том, какие очертания она примет, какое место займут женщины в ее правительстве и общественной жизни. А еще – о том, как политические изменения в России скажутся на работе, образовании, материнстве, любви и сексуальных отношениях. Все это во многом предопределило сильнейший интерес феминисток к России и Советскому Союзу и их желание связать с этой страной свою жизнь. А еще тот факт, что русских террористов и убийц, особенно женщин, чтили в США как героев в те десятилетия, что предшествовали событиям 1917 года, повлияло на готовность многих американцев принять насилие как необходимый элемент русской справедливости.

Нежные революционерки

До 1917 года русские революционеры в воображении американцев часто представляли в некоем романтическом или героическом ореоле. С 1880-х годов в США большими тиражами печатались переводы русских писателей – Александра Герцена, Льва Толстого, Ивана Тургенева, воспоминания революционеров (в том числе уехавших в США или Англию). Это, как и романы американских и британских писателей, способствовало формированию образа русских революционеров как «бескорыстных и высококультурных людей, против своей воли прибегавших к насилию, да и то лишь для того, чтобы ослабить угнетение народных масс»⁸¹.

---

⁷⁸ Название этой главы – аллюзия на название картины Василия Кандинского «Маленькая мечта в красном» (1925). – *Примеч. пер.*

⁷⁹ Strunsky A. Woman and the Russian Revolutionary Movement // California Woman's Magazine. 1905. Vol. 5. № 12. P. 1–2.

⁸⁰ Образ женщины, стоящей «на серой заре свободы», перекликается со стихотворением в прозе «Порог» (1878) Ивана Тургенева, написанным сразу после того, как революционерка Вера Засулич совершила покушение на генерал-губернатора Санкт-Петербурга Трепова, желая отомстить за зверскую порку сидевшего в тюрьме товарища. Этот выстрел сделал из Засулич народную героиню; ее речь в суде так тронула присяжных, вместо того, чтобы вынести ей суровый приговор, они оправдали ее.

⁸¹ Chatterjee Ch. Transnational Romance, Terror, and Heroism: Russia in American Popular Fiction, 1860–1917 // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. № 3. P. 669. Романтические и героические изображения русских революционеров, создававшиеся до 1917 года, см., например, в: Cahan A. Russian Revolutionists // World's Work. 1904. № 8. P. 5311–5315; Howard W. L. In Prison and Exile: The Experience of a Russian Student // Arena. 1905. № 33. P. 600–608; Okuntsoff I. Martyrs of the Revolution // The Independent. 1907. № 62. P. 1120–1123.

Этот же шаблон использовали и создатели фильмов и пьес, одновременно сюжетно связывая с Америкой судьбы русских борцов за свободу. В пьесе Израэля Зангвилла «Плавильный котел» (1909) рассказывается о девушке из русской дворянской семьи: она становится революционеркой, а позже, живя уже на чужбине, в США, поступает работать в благотворительное учреждение. Она выходит замуж за русского еврея-иммигранта, чьи родители погибли во время Кишиневского погрома. Таким образом, Соединенные Штаты выступают страной, где могут обрести счастье христианка и еврей из Старого Света, объединенные общей мечтой о свободе. В кинокартине «Под властью царя» (1914) – одном из нескольких фильмов, снятых до 1917 года и сочувственно изображавших русскую революционную борьбу, – героиня, Анна Павлова, хочет спасти из полицейских застенков своего отца-нигилиста и поэтому соглашается шпионить за князем Рубецким, которого подозревают в революционной деятельности. Однако по ходу дела она влюбляется в князя и сама становится революционеркой, а потом вместе с возлюбленным и отцом бежит в Америку⁸².

И в художественных произведениях, и в документальных рассказах русская революционерка вызывала бесконечное восхищение своими отвагой, бескорыстием и преданностью делу. В январе 1906 года социалистка-революционерка Мария Спиридонова, застрелившая губернского советника Луженовского, который прославился жестоким подавлением крестьянского восстания, была зверски избита жандармами. Это сделало ее мученицей и в России, и в США. Газета *The New York Times* напечатала целиком речь Спиридоновой в суде, где она заявила:

Я взялась за выполнение приговора, потому что сердце рвалось от боли, стыдно и тяжело было жить, слыша, что происходит в деревнях по воле Луженовского, который был воплощением зла, произвола, насилия.

Американский журналист Келлог Дёрленд описывал ее так: «утонченная девушка... с нежными голубыми глазами», с «волнистыми каштановыми волосами, ...зачесанными на виски, чтобы скрыть чудовищные шрамы, оставленные казацкими сапожищами». Дёрленд, конечно же, писал о ее страданиях и отваге, но высказал он и другую мысль, которая вскоре стала рефреном: роль женщин в русской борьбе – «уникальное среди всех революционных движений в истории явление»⁸³.

Русские женщины выступали наравне с мужчинами абсолютно везде: в руководстве, в опасном деле тайного просвещения масс, в бомбометании, в тюрьме, в сибирских рудниках, на эшафоте. Они так жаждали умереть ради прогресса, что для многих гибель стала честолюбивой целью, –

писал в 1908 году Лерой Скотт. Подчеркивая благородство и «нежность» революционерок, Скотт утверждал, что такие качества вовсе не противоречат способности этих женщин заниматься террором, а, по сути, объясняют их поступки:

Именно эта нежность, это сильнейшее сострадание к жертвам тирании и толкнули эти трепетные души на путь тираноубийства⁸⁴.

---

⁸² Zangwill I. *The Melting Pot: A Drama in Four Acts*. New York: Macmillan, 1909; Beneath the Czar, American Film Institute Catalog. URL: www.afi.com/members/catalog/DetailView.aspx?s=&Movie=13570 (дата обращения: 22.03.2010).

⁸³ Russian Girl Glories in Death of Tyrant; Mlle Spiridonova Tells Her Tale of Wrongs; Happy in Her Martyrdom // *New York Times*. 1906. Apr. 30. P. 6; Durland K. «Red Reign» as Seen By an American: A Widespread Revolutionary Movement, in Which Are Many Women Leaders // *New York Times*. 1907. Oct. 13. О масштабе участия женщин в деятельности русских революционеров и террористов см. Knight A. Female Terrorists and the Russian Socialist Revolutionary Party // *Russian Review*. 1979. Vol. 38. № 2. P. 139–159. О революционерках в России см. Five Sisters: Women against the Tsar / Ed. A. B. Engel, C. N. Rosenthal. New York, 1975; Maxwell M. *Narodniki Women: Russian Women Who Sacrificed Themselves for the Dream of Freedom*. New York, 1990; Broido V. *Apostles into Terrorists: Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II*. New York, 1977.

⁸⁴ Scott L. Women of the Russian Revolution // *The Outlook*. 1908. № 90. P. 915, 917.

Бабушка и друзья русской свободы

Для многих американцев лицом русской революции стала Екатерина Брешко-Брешковская, известная в США как Кэтрин Брешковски или Бабушка – «бабушка русской революции»⁸⁵. Неослабевающая преданность борьбе за справедливость – в ущерб личному комфорту – сочеталась в Брешковской с редкостным обаянием. В 1904–1905 годах она отправилась в турне по Соединенным Штатам, познакомилась с десятками, если не сотнями, женщин и мужчин и вдохнула новую жизнь в американское движение за «русскую свободу», зародившееся в 1880-х. А еще она убедила большое количество женщин, и молодых, и старых, в том, что борьба против тирании в России ведется и в их интересах тоже.

Брешковская (урожденная Вериго) родилась в 1844 году в русской дворянской семье и со временем отказалась от своих сословных привилегий. Еще в отрочестве Катя Вериго создала школу для крепостных, которыми владела ее семья, и всю дальнейшую жизнь оставалась верна этой идее – нести просвещение в массы. Однажды в молодости ей довелось оказаться в одном купе с князем Петром Кропоткиным, выдающимся революционным мыслителем. Та долгая вагонная беседа произвела на нее неизгладимое впечатление. Побывав в Санкт-Петербурге, Катя примкнула к кружку революционеров и втянулась в их деятельность. Подобно многим честолюбивым русским девушкам, стремившимся выйти из-под навязчивой родительской опеки, Катя решила использовать брак как способ обретения свободы – и в двадцать пять лет вышла замуж за студента-либерала из помещичьей семьи, жившей неподалеку от родительского имения. Екатерина любила мужа, но с самого начала заявила ему, что главным делом ее жизни навсегда останется борьба за справедливость. В течение нескольких лет супруги работали сообща, обучая крестьян и отстаивая их права. Но когда Екатерина решила перейти к нелегальной тактике, они с мужем по-товарищески разошлись. В 1873 году Брешковская вступила в революционную коммуну в Киеве. Там у нее родился сын. Мальчика взяли на воспитание родственники. Брешковская говорила: «Я понимала, что не могу быть одновременно матерью и революционеркой»⁸⁶. Позже она будет называть себя матерью и бабушкой тысяч единомышленников.

Через год после рождения сына Брешковская, как и сотни других ее современников, «пошла в народ», чтобы учить крестьян и готовить почву для революции⁸⁷. Это «хождение» закончилось арестом и тюрьмой (в одиночной камере она просидела четыре года). Представ наконец перед судом, Брешковская не стала оправдываться и открыто провозгласила себя революционеркой. Наградой ей стали пять лет Кариийской каторги с последующей ссылкой⁸⁸.

Во время одной из своих сибирских ссылок, на сей раз после попытки побега из каторжной тюрьмы, Брешковская познакомилась с Джорджем Кеннаном, американским знатоком

---

⁸⁵ Идеями о важности личных связей для возникновения сопереживания я обязана статье Грегори Шайа – *Shaya G. Empathy and Modernity: With Evidence from the Visual Culture of the Railway Disaster in Nineteenth Century France* (материал, представленный на семинаре Global France 10 мая 2012 года в Париже). В архивах социалистов-революционеров хранятся сотни писем американских женщин Брешковской. Архив Партии социалистов-революционеров (ПСР), Международный институт социальной истории, Амстердам (далее – архив ПСР).

⁸⁶ *Good J. E., Jones D. R. Babushka: The Life of the Russian Revolutionary Ekaterina K. Breshko-Breshkovskaia (1844–1934)*. Newtonville, 1991. P. 7–31; *Blackwell A. S. The Little Grandmother of the Russian Revolution: Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky*. Boston, 1917. P. 39. Биографическую информацию о Брешковской я черпала из: *Good J. E., Jones D. R. Babushka; Blackwell A. S. Little Grandmother of the Russian Revolution* (включая очерк Аврама Кагана); *Breshko-Breshkovskaia E. K., Hutchinson L. Hidden Springs of the Russian Revolution*. London, 1931; *Strunsky A. Catherine Breshkovsky* (неопубликованный очерк), коробка 33, папка 396, архив АСУ, Йельский университет.

⁸⁷ О «хождении в народ» см. *Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia*. London, 1960. P. 62–70.

⁸⁸ В этот раз Брешко-Брешковская уже три года провела в заключении, поэтому от каторжного срока ей оставалось менее полугода. – *Примеч. ред.*

России, которому предстояло совершить резкий перелом в ее судьбе, а заодно и в ходе всей русской революционной борьбы. Кеннан впервые приехал в Сибирь в 1864 году по заданию «Русско-американской телеграфной компании» – для изучения мест, где предполагалось прокладывать телеграфную линию. В течение нескольких лет он разъезжал по российской глуши. Вернувшись в США, он читал многочисленные лекции и публиковал этнографические отчеты и путевые заметки и стал в итоге одним из самых уважаемых в Америке специалистов по России. В 1884 году, будучи стойким приверженцем царского режима, Кеннан выступил с предложением: изучить жизнь ссыльных в Сибири, чтобы дать достойный ответ критикам России. Поскольку он открыто демонстрировал солидарность с царским правительством, российские власти обещали ему полную поддержку и содействие⁸⁹.

Предварительная экспедиция не повлияла на мнение Кеннана, но во время более длительной поездки – с мая 1885 по август 1886 года – ему встречались ссыльные, которые выказывали почти неисчерпаемые «отвагу, силу духа, жертвенность и преданность идеалу», и эти встречи заставили Кеннана полностью изменить взгляды. Вскоре после возвращения в США он написал приятельнице:

Я ехал в Сибирь, считая политических ссыльных просто помешанными фанатиками – бомбометателями и убийцами... А уезжая из Сибири, я сердечно целовался на прощанье с этими самыми ссыльными, обнимал их и не мог сдержать слез⁹⁰.

В 1885 году в далеком Забайкалье Кеннан встретил Брешковскую. Вот как он описывал ее: «Волевое, умное, но некрасивое лицо. Искренняя, открытая, теплая, порывистая и щедрая в своей отзывчивости». Замечая «следы... страданий» на лице Брешковской, Кеннан все-таки утверждал, что «ни тяготы, ни ссылка, ни каторжные работы не сломили в ней отважного, прекрасно закаленного духа, не пошатнули ее убеждений, не заставили забыть о чести и долге». При расставании Кеннану рисовалось лишь самое мрачное будущее Брешковской. Однако в ее прощальных словах звучала надежда:

«Да, мистер Кеннан, – сказала она мне, когда мы прощались. – Пусть мы умрем в ссылке, и пусть даже наши внуки умрут в ссылке, но в конце концов что-то из этого получится»⁹¹.

Действительно, что-то получалось. Статьи Кеннана в ежемесячнике *The Century*, его лекционные туры (охватившие около миллиона слушателей) и, наконец, выпущенная им в 1893 году книга «Сибирь и каторжно-ссыльная система» – сопоставимая с «Хижинкой дяди Тома», только применительно к российской пенитенциарной системе, – все это вызвало сенсацию. Кеннан прочитал более восьмисот лекций в разных штатах и городах США, причем он часто появлялся в аудиториях в лохмотьях и кандалах сибирского каторжанина, чем ввергал публику в оцепенение. После выступления Кеннана в Вашингтонском литературном обществе Марк Твен поднялся и со слезами на глазах заявил: «Если единственное средство, помогающее бороться с таким произволом, – динамит, то что ж, возблагодарим Бога за динамит!»⁹²

Возвращаясь на родину из переломного путешествия по Сибири в 1885–1886 годах, Кеннан встретил Сергея Кравчинского (известного также под псевдонимом Степняк) – русского революционера и террориста, после совершенного убийства бежавшего из России в Лондон.

---

⁸⁹ Travis F. F. George Kennan and the American-Russian Relationship, 1865–1924. Athens, 1990. P. 26. Дипломат и вдохновитель холодной войны Джордж Ф. Кеннан был дальним родственником и тезкой этого, жившего раньше, Кеннана.

⁹⁰ Джордж Кеннан – Анне Доуз, цит. *ibid.* P. 111–112.

⁹¹ Кеннан цит. *ibid.* P. 129–130.

⁹² *Ibid.* P. 177, 178 (цитата из Марка Твена). О том, как Кеннан появлялся перед публикой в лохмотьях и кандалах, см. Good J. America and the Russian Revolutionary Movement, 1888–1905 // *Russian Review*. 1982. Vol. 41. № 3. P. 274.

Вышедшая в 1882 году книга Степняка «Подпольная Россия» многое сделала для революционного дела, но Кеннан сподвиг Степняка на дальнейшие действия⁹³

---

⁹³ О Степняке см. *Moser C. A. A Nihilist's Career: S. M. Stepniak-Kravchinskij // American Slavic and East European Review.* 1961. Vol. 20, № 1. P. 55–71.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.